

M $\frac{1}{304}$

1400

М 304
ГРАФЪ

Левъ Николаевичъ

ТОЛСТОЙ

КРЕЙЦЕРОВА СОБАКА

и

ПОСЛѢСЛОВІЕ

(Текстъ безъ сокращеніи).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1900

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА

И ПОСЛѢСЛОВІЕ

КЪ КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТѢ.

(Текстъ безъ сокращеній).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

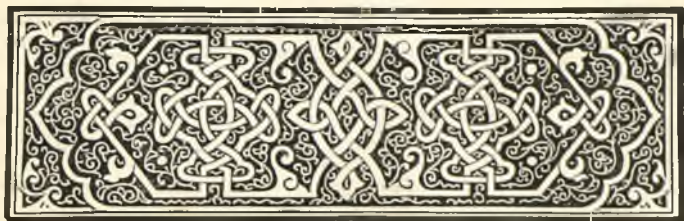
4386 - 0

Типографія Н. М. Комелова. Пряжка д. № 3.

1900

Крейцерова Соната.

„А я говорю вамъ, что всякій, кто
„смотря на женщину съ вожде-
„лѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ
„съ нею въ сердцѣ своемъ (Матѳей
„V, 29).“

„Говорить ему ученики Его; если
„такова обязанность человѣка къ
„женѣ, то лучше не жениться Онъ
„же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ
„слово сіе, но кому дано“.

Это было ранней весной. Мы ѣхали вторыя сутки. Въ вагонъ входили и выходили ѣдущіе на короткія разстоянія, но трое ѣхало такъ же, какъ и я, съ самага мѣста отхода поѣзда: некрасивая и не молодая дама, курящая, съ измученнымъ лицомъ, въ полу-мужскомъ пальто и шапочкѣ, ея знакомый, разговорчивый человѣкъ лѣтъ сорока, съ аккуратными новыми вещами, и еще, державшійся особнякомъ, меньшаго роста господинъ, съ порывистыми движеніями, еще не старѣй, но съ очевидно преждевременно посѣдѣвшими, курчавыми волосами и съ необыкновенно блестящими глазами, быстро перебѣгавшими съ предмета на предметъ.

Онъ былъ одѣтъ въ старое, отъ дорогого портного пальто, съ барашковымъ воротникомъ, и высокую барашковую шапку. Подъ пальто, когда онъ разстегивался, видна была поддевка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла еще въ томъ, что онъ изрѣдка издавалъ странные звуки, похожіе на откашливанье или на начатой и оборванный смѣхъ.

Господинъ этотъ во все время путешествія старательно избѣгалъ общенія и знакомства съ пассажирами. На заговариванья сосѣдей онъ отвѣчалъ коротко и рѣзко и или читалъ или, глядя въ окно, курилъ, или, доставъ провизію изъ своего стараго мѣшка, пилъ чай или закусывалъ.

Мнѣ казалось, что онъ тяготится своимъ одиночествомъ, и я нѣсколько разъ хотѣлъ заговорить съ нимъ, но всякій разъ, когда глаза наши встрѣчались, что случалось часто, такъ какъ мы сидѣли наискоски другъ противъ друга, онъ отворачивался и брался за книгу или смотрѣлъ въ окно.

Во время остановки, передъ вечеромъ второго дня на большой станціи, нервный господинъ этотъ сходилъ за горячей водой и заварилъ себѣ чай. Господинъ же съ аккуратными новыми вещами, адвокатъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, съ свей сосѣдкой, курящей дамой въ полу-мужскомъ пальто, пошли пить чай на станцію.

Во время отсутствія господина съ дамой, въ вагонъ вошло нѣсколько новыхъ лицъ, и въ томъ числѣ высокій, бритый, морщинистый старикъ, оче-

видно купецъ, въ ильковой шубѣ и суконномъ картузѣ съ огромнымъ козырькомъ. Купецъ сѣлъ противъ мѣста дамы съ адвокатомъ и тотчасъ же вступилъ въ разговоръ съ молодымъ человѣкомъ, по виду купеческимъ прикащикомъ, вошедшимъ въ вагонъ тоже на этой станціи.

Я сидѣлъ наискоски, и такъ какъ поѣздъ стоялъ, могъ въ тѣ минуты, когда никто не проходилъ, слышать урывками ихъ разговоръ. Купецъ объявилъ сначала о томъ, что онъ ѣдетъ въ свое имѣніе, которое отстоитъ только на одну станцію; потомъ, какъ всегда, заговорили сначала о цѣнахъ, о торговлѣ, говорили, какъ всегда, о томъ, какъ Москва нынче торгуется, потомъ заговорили о Нижегородской ярмаркѣ. Прикащикъ сталъ рассказывать про кутежи какого-то, извѣстнаго обоемъ, богача-купца на ярмаркѣ, но старикъ не далъ ему договорить и сталъ самъ рассказывать про былыя кутежи въ Кунавинѣ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ. Онъ видимо гордился своимъ участіемъ въ нихъ и съ видимою радостью рассказывалъ, какъ они вмѣстѣ съ этимъ самымъ знакомымъ, сдѣлали разъ пьяные въ Кунавинѣ такую штуку, что ее надо было рассказывать шепотомъ, и что прикащикъ захохоталъ на весь вагонъ, а старикъ тоже засмѣялся, оскаливъ два желтые зуба.

Не ожидая услышать ничего интереснаго, я всталъ, чтобы походить по платформѣ до отхода поѣзда. Въ дверяхъ мнѣ встрѣтились адвокатъ съ дамой, на ходу про что-то оживленное разговаривавшіе.

— Не успѣете,—сказалъ мнѣ общительный адвокатъ,—сейчасъ второй звонокъ.

И точно, я не успѣлъ дойти до конца вагоновъ, какъ раздался звонокъ. Когда я вернулся, между дамой и адвокатомъ продолжался оживленный разговоръ. Старый купецъ молча сидѣлъ напротивъ нихъ, строго глядя передъ собой и изрѣдка неодобрительно жуя зубами...

— Затѣмъ она прямо объявила своему супругу,— улыбаясь говорилъ адвокатъ, въ то время, какъ я проходилъ мимо него,—что она не можетъ, да и не желаетъ жить съ нимъ, такъ какъ.

И онъ сталъ рассказывать далѣе что-то, чего я не могъ слышать. Вслѣдъ за мной прошли еще пассажиры, прошелъ кондукторъ, вбѣжалъ артельщикъ и довольно долго былъ шумъ, изъ за котораго не слышно было разговора. Когда все затихло, и я опять услыхалъ голосъ адвоката, разговоръ очевидно съ частнаго случая перешелъ уже на общія соображенія.

Адвокатъ говорилъ о томъ, какъ вопросъ о разводѣ занималъ теперь общественное мнѣніе въ Европѣ, и какъ у насъ все чаще и чаще являлись такіе же случаи. Замѣтивъ, что его голосъ одинъ слышенъ, адвокатъ прекратилъ свою рѣчь и обратился къ старику.—Въ старину этого не было, не правда-ли?—сказалъ онъ пріятно улыбаясь.

Старикъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время поѣздъ тронулся, и старикъ, снявъ картузъ, началъ креститься и читать шепотомъ молитву. Адвокатъ,

отведя въ сторону глаза учтиво дожидался. Окончивъ свою молитву и троекратное крещеніе, старикъ надѣлъ прямо и глубоко свой картузь, поправился на мѣстѣ и началъ говорить:

— Бывало, сударь, и прежде, только меньше,— сказалъ онъ.— По нынѣшнему времени нельзя этому не быть. Ужъ очень образованы стали.

Поѣздъ, двигаясь все быстрѣе и быстрѣе, погромыхивалъ на стычкахъ и мнѣ трудно было разслышать, а интересно было, и я пересѣлъ ближе. Сосѣдъ мой, нервный господинъ съ блестящими глазами, очевидно тоже заинтересовался и, не вставая съ мѣста, прислушивался.

— Да чѣмъ же худо образованіе!—чуть замѣтно улыбаясь сказала дама.— Неужели же лучше такъ жениться, какъ въ старину, когда женихъ и невѣста и не видали даже другъ друга, — продолжала она, по привычкѣ многихъ дамъ, отвѣчая не на слова своего собесѣдника, а на тѣ слова, которыя она думала, что онъ скажетъ.

— Не знали, любятъ-ли, могутъ-ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучались; такъ по вашему это лучше?—говорила она, очевидно обращая рѣчь ко мнѣ и къ адвокату, но менѣе всего къ старику, съ которымъ говорила.

— Ужъ очень образованы стали, — повторилъ купецъ, презрительно глядя на даму и оставляя ее вопросъ безъ отвѣта.

— Желательно бы знать, какъ вы объясняете связь между образованіемъ и несогласіемъ въ

супружествѣ, — чуть замѣтно улыбаясь, сказалъ адвокатъ.

Купецъ что-то хотѣлъ сказать, но дама перебила его.

— Нѣтъ, уже это время прошло, — сказала она. Но адвокатъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, позвольте имъ выразить свою мысль.

— Глупости отъ образованія, — рѣшительно сказалъ старикъ.

— Женятъ такихъ, которые не любятъ другъ друга, а потомъ удивляются, что не согласно жить, — торопилась говорить дама, оглядываясь на адвоката и на меня, и даже на прикащика, который, поднявшись съ своего мѣста и облокотившись на спинку, улыбаясь прислушивался къ разговору.

— Вѣдь это только животныхъ можно спаривать, какъ хозяинъ хочетъ, а люди имѣютъ свои склонности, привязанности, — очевидно желая уязвить купца, говорила дама.

— Напрасно такъ говорите, сударыня, — сказалъ старикъ, — животное скотъ, а человѣку данъ законъ.

— Ну, да какъ же жить съ человѣкомъ, когда любви нѣтъ, — все торопилась дама высказывать свои сужденія, которыя вѣроятно ей казались очень новыми.

— Прежде этого не разбирали, — внушительнымъ тономъ сказалъ старикъ, — нынче только завелось это. Какъ что, жена сейчасъ говорить: «я отъ тебя уйду». У мужиковъ на что, и то эта самая мода завелась. «На», говорить, «вогъ тебѣ твои ру-

бахн, и портки, и я пойду съ Вапкой, онъ кудрявѣй тебя». Ну вотъ и толкую. А въ женщинѣ первое дѣло страхъ долженъ быть.

Прикащикъ посмотрѣлъ и на адвоката и на даму, и на меня, очевидно удерживая улыбку и готовый и осмѣять и одобрить рѣчь купца, смотря потому, какъ она будетъ принята.

— Какой же страхъ?—сказала дама.

— А такой: да боится своего му-у-ужа! Вотъ какой страхъ.

— Ну, ужъ это, батюшка, время прошло, — даже съ нѣкоторой злобой сказала дама.

— Нѣтъ, сударыня, этому времени пройти нельзя. Какъ была она, Ева, женщина, изъ ребра мужнина сотворена, такъ и останется до скончанія вѣка, — сказалъ старикъ такъ строго и побѣдительно трянувъ головой, что прикащикъ тотчасъ же рѣшилъ, что побѣда на сторонѣ купца и громко засмѣялся.

— Да это вы, мужчины, такъ рассуждаете,—говорила дама не сдаваясь и оглядываясь на насъ;—сами себѣ дали свободу и женщину хотите въ терему держать. Сами, небось, себѣ все позволяете.

— Позволенья никто не даетъ, а только что отъ мужчины въ домъ ничего не прибудеть, а женщина-жена—утлый сосудъ,—продолжалъ внушать купецъ. Внушительность интонацій купца очевидно побѣждала слушателей, и дама даже чувствовала себя подавленной, но все еще не сдавалась.

— Да, но, я думаю, вы согласитесь, что женщина — человѣкъ, и имѣетъ чувства, какъ и муж-

чина. Ну что же ей дѣлать, если она не любить мужа.

— Не любить!—грозно повторилъ купецъ, двинувъ бровями и губами. — Небось, полюбитъ! — Этотъ неожиданный аргументъ особенно понравился прикащику, и онъ издалъ одобрительный звукъ.

— Да нѣтъ, не полюбитъ,—заговорила дама, — а если любви нѣтъ, то вѣдь къ этому нельзя же принудить.

— Ну, а какъ жена измѣнитъ мужу, тогда какъ?—сказалъ адвокатъ.

— Этого не полагается,—сказалъ старикъ,—за этимъ смотрѣть надо.

— А какъ случится, тогда какъ? Вѣдь бываетъ же.

— У кого бываетъ, а у насъ не бываетъ, — сказалъ старикъ.

Всѣ помолчали. Прикащикъ пошевелился, еще подвинулся и видимо не желая отстать отъ другихъ, улыбаясь началъ:

— Да-съ, вотъ тоже у нашего молодца скандалъ одинъ вышелъ. Также разсудить слишкомъ трудно. Также попалась такая женщина, что распутевая. И пошла чертить. А малый степенный и съ развитіемъ. Сначала съ конторщикомъ. Уговаривалъ мужъ тоже добромъ. Не унялась. Всякія пакости дѣлала. Его деньги стала красть. И билъ онъ ее. Что же, все хужѣла. Съ некрещенымъ евреемъ, съ позволенья сказать, свела шашни. Чтожъ ему дѣлать?

Бросилъ ее совсѣмъ. Такъ и живетъ холостой, а она слоняется.

— Потому онъ дуракъ, — сказалъ старикъ. — Кабы онъ сперва-начала не далъ ей ходу, а укороту бы далъ настоящую, жила бы, небось. Волю не давать надо сначала. Не вѣрь лошади въ полѣ, а женѣ въ домѣ.

Въ это время пришелъ кондукторъ спрашивать билеты до ближайшей станціи. Старикъ отдалъ свой билетъ.

— Да-съ, загодя укорачивать надо женскій полъ, а то все пропало.

— Ну, а какже вы сами сейчасъ рассказывали, какъ женатые люди на ярмаркѣ въ Кунавинѣ веселятся,—сказалъ я не выдержавъ.

— Эта статья особая,—сказалъ купецъ и погрузился въ молчаніе.

Когда раздался свистокъ, купецъ поднялся, досталъ изъ подъ лавки мѣшокъ, запахнулся, и приподнявъ картузъ, вышелъ на тормазъ.

II.

Только что старикъ ушелъ, поднялся разговоръ въ нѣсколько голосовъ.

— Старого завѣта папаша,—сказалъ прикащикъ.

— Вотъ Домострой живой, сказала дама.—Какое дикое понятіе о женщинѣ и о бракѣ!

— Да-съ, далеки мы отъ европейскаго взгляда на бракъ,—сказалъ адвокатъ.

— Вѣдь главное то, чего не понимаютъ такіе люди,—сказала дама,—это то, что бракъ безъ любви не есть бракъ, что только любовь освѣщаетъ бракъ, и что бракъ истинный только тотъ, который освѣщаетъ любовь.

Прикащикъ слушалъ и улыбался, желая запомнить для употребленія сколько можно больше изъ умныхъ разговоровъ.

Въ срединѣ рѣчи дамы, позади меня слышался звукъ какъ бы прерваннаго смѣха или рыданія, и, оглянувшись, мы увидали моего сосѣда, сѣдого, одинокаго господина съ блестящими глазами, который во время разговора, очевидно интересовав-

шаго его, незамѣтно подошелъ къ намъ. Онъ стоялъ положивъ руки на спинку сидѣнья, и, очевидно, очень волновался: лицо его было красно и на щекъ вздрагивалъ мускуль.

— Какая же эта любовь... любовь... освящаетъ бракъ?—сказалъ онъ, запинаясь.

Видя взволнованное состояніе собесѣдника, дама постаралась отвѣтить ему какъ можно мягче и обстоятельнѣе.

— Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможенъ и бракъ,—сказала дама.

— Да-съ, но что разумѣть подъ любовью истинной?—неловко улыбаясь и робѣя сказалъ господинъ съ блестящими глазами.

— Всякій знаетъ, что такое любовь,—сказала дама, очевидно, желая прекратить съ нимъ разговоръ.

— А я не знаю,—сказалъ господинъ.—Надо опредѣлить, что вы разумѣете...

— Какъ? очень просто,—сказала дама, но задумалась.—Любовь? Любовь есть исключительное предпочтеніе одного или одной предъ всѣми остальными,—сказала она.

— Предпочтеніе на сколько времени? На мѣсяць? На два или на полчаса?—проговорилъ съдой господинъ и засмѣялся.

— Нѣтъ, позвольте, вы очевидно не про то говорите.

— Нѣтъ съ, я про то самое.

— Онъ говорятъ,—вступился адвокатъ, указывая на даму,—что бракъ долженъ вытекать во первыхъ изъ привязанности, любви, если хотите, и что если на лицо есть таковая, но только въ этомъ случаѣ бракъ представляетъ изъ себя нѣчто, такъ сказать священное. Затѣмъ, что всякій бракъ, въ основѣ котораго не заложены естественныя привязанности—любовь, если хотите, не имѣетъ въ себѣ ничего нравственно обязательнаго. Такъ ли я понимаю?—обратился онъ къ дамѣ.

Дама движеніемъ головы выразила одобреніе разъясненію своей мысли.

— За симъ... продолжалъ рѣчь адвокатъ, но нервный господинъ съ горѣвшими огнемъ теперь глазами, очевидно съ трудомъ удерживался и, не давъ адвокату договорить, началъ:

— Нѣтъ, я про то самое, предпочтеніе одного или одной передъ всѣми другими, но я только спрашиваю: предпочтеніе на сколько времени?

— На сколько времени? на долго, на всю жизнь иногда,—сказала дама, пожимая плечами.

— Да вѣдь это только въ романахъ, а въ жизни никогда. Въ жизни бываетъ это предпочтеніе одного передъ другими на года, что очень рѣдко, чаще на мѣсяцы, а то на недѣли, на дни, на часы,—говорилъ онъ,—очевидно зная, что онъ удивляетъ всѣхъ своимъ мнѣніемъ и довольный этимъ.

— Охъ! что вы! Да нѣтъ... Нѣтъ, позвольте...—въ одинъ голосъ заговорили мы всѣ трое. Даже прикащикъ издалъ какой-то неодобрительный звукъ.

— Да-съ, я знаю,—перекрикивалъ насъ съдой господинъ, вы говорите про то, что считается существующимъ, а я говорю про то, что есть. Всякій мужчина испытываетъ то, что вы называете любовью, къ каждой красивой женщинѣ.

— Ахъ, это ужасно, что вы говорите; но есть же между людьми что чувство которое называется любовью и которое дается не на мѣсяцы и на годы, а на всю жизнь?

— Нѣтъ, нѣту. Если допустить даже, что мужчина и предпочелъ бы извѣстную женщину на всю жизнь, то женщина-то, по всѣмъ вѣроятіямъ предпочтетъ другого, и такъ всегда было и есть на свѣтѣ—сказалъ онъ, и досталъ папирочницу и сталъ закуривать.

— Но можетъ быть и взаимное,—сказалъ адвокатъ.

— Нѣтъ-съ, не можетъ быть,—возразилъ онъ,—также, какъ не можетъ быть, чтобы въ возу гороха двѣ замѣченныя горошины легли бы рядомъ. Да кромѣ того тутъ не вѣроятность одна, тутъ навѣрное пресыщеніе. Любить всю жизнь одну или одного—это все равно, что сказать, что одна свѣча будетъ горѣть всю жизнь,—говорилъ онъ, жадно затыгиваясь.

— Но вы все говорите про плотскую любовь. Развѣ вы не допускаете любви, основанной на единствѣ идеаловъ, на духовномъ сродствѣ?—сказала дама.

— Духовное сродство! Единство идеаловъ!—повторилъ онъ, издавая свой звукъ.—Но въ такомъ

случаѣ не зачѣмъ спать вмѣстѣ (просите за грубость). А то вслѣдствіе единства идеаловъ люди ложатся спать вмѣстѣ, сказалъ онъ и нервно засмѣялся.

— Но позвольте,—сказалъ адвокатъ,—фактъ противорѣчитъ тому, что вы говорите. Мы видимъ, что супружества существуютъ, что все человѣчество или большинство его живетъ брачною жизнью и многіе честно проживаютъ продолжительную брачную жизнь.

Сѣдой господинъ опять засмѣялся.

— То вы говорите, что бракъ основываютъ на любви, когда же я выражаю сомнѣніе въ существованіи любви, кромѣ чувственной, вы мнѣ доказываете существованіе любви тѣмъ, что существуютъ браки. Да браки-то въ наше время одинъ обманъ.

— Нѣтъ-съ позвольте,—сказалъ адвокатъ,—я говорю только, что существовали и существуютъ браки.

— Существуютъ! Да только отчего они существуютъ? Они существовали и существуютъ у тѣхъ людей, которые въ бракѣ видятъ нѣчто таинственное. Таинство, которое обязываетъ передъ Богомъ. У тѣхъ они существуютъ. У насъ люди женятся, не видя въ бракѣ ничего, кромѣ совокупленія, и выходитъ или обманъ, или насиліе. Когда обманъ, то это легче переносится. Мужъ и жена только обманываютъ людей, что они въ единобрачїи, а живутъ въ многоженствѣ и въ многомужствѣ. Это скверно, но еще идетъ; но когда, какъ это чаще всего бы-

ваетъ, мужъ и жена приняли на себя вѣшнее обязательство жить вмѣстѣ всю жизнь, и со второго мѣсяца уже ненавидятъ другъ друга, желаютъ разойтись и все-таки живутъ, тогда это выходитъ тотъ страшный адъ, отъ котораго спиваются, стрѣляются, убиваютъ и отравляютъ себя и другъ друга, говорилъ онъ все быстрѣе, не давая никому вставить слово и все больше и больше разгорячаясь. Было неловко.

— Да безъ сомнѣнія, бываютъ критическіе эпизоды въ супружеской жизни,—сказалъ адвокатъ, желая прекратить неприлично горячій разговоръ.

— Вы, какъ я вижу, узнали, кто я?—тихо и какъ будто спокойно сказалъ сѣдой господинъ.

— Нѣтъ, я не имѣю удовольствія.

— Удовольствіе небольшое. Я Позднышевъ, тотъ, съ которымъ случился тотъ критическій эпизодъ, на который вы намекаете, тотъ эпизодъ, что онъ жену убилъ,—сказалъ онъ оглядывая быстро cadaго изъ насъ.

Никто не нашелся, что сказать и всѣ молчали.

— Ну, все равно,—сказалъ онъ издавъ свой звукъ.—Впрочемъ, извините! А!.. не буду стѣснять васъ.

— Да нѣтъ, помилуйте!..—самъ не зная, что «помилуйте», сказалъ адвокатъ.

Но Позднышевъ, не слушая его, быстро повернулся и ушелъ на свое мѣсто. Господинъ съ дамой шептались. Я сидѣлъ рядомъ съ Позднышевымъ и молчалъ, не умѣя придумать, что сказать. Читать было темно, и потому я закрылъ глаза и

притворился, что хочу заснуть. Такъ мы проѣхали молча до слѣдующей станціи.

На станціи этой господинъ съ дамой перешли въ другой вагонъ, о чемъ они переговаривались еще раньше съ кондукторомъ. Прикащикъ устроился на лавкѣ и заснулъ. Позднышевъ же все курилъ и пилъ заваренный еще на той станціи чай.

Когда я открылъ глаза и взглянулъ на него, онъ вдругъ съ рѣшительностью и раздраженіемъ обратился ко мнѣ.

— Вамъ, можетъ быть, неприятно сидѣть со мной, зная, кто я? Тогда я уйду.

— О, нѣтъ, помилуйте.

— Ну, такъ не угодно ли? Только крѣпокъ.

Онъ налилъ мнѣ чаю.

— Они говорятъ... И все лгутъ... сказалъ онъ.

— Вы про что?—спросилъ я.

— Да все про то же: про эту любовь ихнюю и про то, что это такое. Вы не хотите спать?

— Совсѣмъ не хочу.

— Такъ хотите, я вамъ расскажу, какъ я этой любовью самой былъ приведенъ къ тому, что со мной было.

— Да, если вамъ не тяжело.

— Нѣтъ, мнѣ тяжело молчать. Пейте же чай... или слишкомъ крѣпокъ?—Чай, дѣйствительно былъ какъ пиво, но я выпилъ стаканъ. Въ это время прошелъ кондукторъ. Онъ проводилъ его молча злыми глазами и началъ только тогда, когда тотъ ушелъ.

III.

— Ну, такъ я расскажу вамъ... Да вы точно хотите?

Я повторилъ, что очень хочу. Онъ помолчалъ, потеръ руками лицо и началъ.

— Коли рассказывать, то надо рассказывать все сначала: надо рассказывать, какъ и отчего я женился и какимъ я былъ до женитьбы.

Жилъ я до женитьбы, какъ живутъ всѣ, т. е. въ нашемъ кругу. Я помѣщикъ и кандидатъ университета, и былъ предводителемъ. Жилъ до женитьбы, какъ всѣ живутъ, т. е. развратно, и какъ всѣ люди нашего круга, живя развратно, былъ увѣренъ, что я живу какъ надо. Про себя я думалъ, что я милашка, что я вполне нравственный человекъ. Я не былъ соблазнителемъ, не имѣлъ не естественныхъ вкусовъ, не дѣлалъ изъ этого главной цѣли жизни, какъ это дѣлали многіе изъ моихъ сверстниковъ, а отдавался разврату степенно.

прилично, для здоровья. И избѣгалъ тѣхъ женщинъ, которые рожденіемъ ребенка или привязанностью ко мнѣ могли бы связать меня. Впрочемъ, можетъ быть, и были дѣти и были привязанности, но я дѣлалъ, какъ будто ихъ не было. И это-то я считалъ не только нравственнымъ, но я гордился этимъ...

Онъ остановился, издалъ свой звукъ, какъ онъ дѣлалъ всегда, когда ему приходила, очевидно, новая мысль.

— А вѣдь въ томъ то и главная мерзость,—вскрикнулъ онъ.—Развратъ вѣдь не въ чемъ ни-будь физическомъ,—вѣдь никакое безобразіе физическое не развратъ; а развратъ, истинный развратъ именно въ освобожденіи себя отъ нравственныхъ отношеній къ женщинѣ, съ которой входишь въ физическое общеніе. А это-то освобожденіе я и ставилъ себѣ въ заслугу. Помню, какъ я мучался разъ, не успѣвъ заплатить женщинѣ, которая, вѣроятно, полюбивъ меня, отдалась мнѣ, и успокоился только тогда, когда послалъ ей деньги, показавъ этимъ, что я нравственно ничѣмъ не считаю себя связаннымъ съ нею... Вы не качайте головой какъ будто вы согласны со мной,—вдругъ крикнулъ онъ на меня.—Вѣдь я знаю эту штуку. Вы все, и вы, въ лучшемъ случаѣ, если вы не рѣдкое исключеніе, вы тѣхъ самыхъ взглядовъ, какихъ я былъ. Ну, все равно, вы простите меня,—продолжалъ онъ,—но дѣло въ томъ, что это ужасно, ужасно, ужасно!

— Что ужасно?—спросилъ я.

— Та пучина заблужденія, въ которой мы живемъ относительно женщинъ и отношеній къ нимъ. Да-съ, не могу спокойно говорить про это, и не потому, что со мной случился этотъ *эпизодъ*, какъ онъ говорилъ, а потому что съ тѣхъ поръ, какъ случился со мной этотъ эпизодъ, у меня открылись глаза, и я увидѣлъ все совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Все наизуворотъ, все наизуворотъ!..

Онъ закурилъ папирску, и, облокотившись на свои колѣни, началъ говорить.

Въ темнотѣ мнѣ не видно было его лица, только слышенъ былъ изъ-за дребезжанія вагона его внушительный и пріятный голосъ.

IV.

— Да-съ, только перемучившись, какъ я перемучался, только благодаря этому я понялъ, гдѣ корень всего, понялъ, что должно быть, и потому увидалъ весь ужасъ того, что есть.

Такъ извольте видѣть, вотъ какъ и когда началось то, что привело меня къ моему эпизоду.

Началось это тогда, когда мнѣ было невступно 16 лѣтъ. Случилось это, когда я былъ еще въ гимназiи, а братъ мой старшiй былъ студентъ 1-го курса. Я не зналъ еще женищинъ, но я, какъ и всѣ несчастныя дѣти нашего круга, уже не былъ невиннымъ мальчикомъ: уже второй годъ я былъ развращенъ мальчишками; уже женщина, не какая нибудь, а женщина, какъ сладкое нѣчто, женщина, всякая женщина, нагота женщины уже мучила меня. Уединенiя мои были нечистыя. Я мучался, какъ мучаются 0,99 нашихъ мальчиковъ. Я ужасался, я страдалъ, я молился и падалъ. Я уже былъ развращенъ въ воображенiи и въ дѣйствительности, но послѣднiй шагъ еще не былъ сдѣланъ мною. Я погибалъ одинъ, но еще не налагая руки на другое человѣческое существо. Но вотъ товарищъ брата, студентъ весельчакъ, такъ называемый добрый малый, т. е. самый большой негодяй, выучившiй насъ и пить и въ карты играть, уговорилъ послѣ попойки ѣхать туда. Мы поѣхали. Братъ тоже еще былъ невиненъ и палъ въ эту же ночь. И я, 15-ти лѣтнiй мальчишка, осквернилъ себя самого и содѣйствовалъ оскверненiю женщины, вовсе не понимая того, что я дѣлалъ. Я, вѣдь ни отъ кого отъ старшихъ не слыхалъ, чтобъ то, что я дѣлалъ, было дурно. Да и теперь никто не услышитъ. Правда, есть это въ заповѣди, но заповѣди вѣдь нужны только на то, чтобъ отвѣчать на экзаменъ батюшкѣ, да и то неочень нужны, далеко не такъ, какъ заповѣдь объ употребленiи ил въ условныхъ предложенiяхъ.

Такъ отъ тѣхъ старшихъ людей, мнѣніе которыхъ я уважалъ, я ни отъ кого не слыхалъ, чтобы это было дурно. Напротивъ, я слыхалъ отъ людей, которыхъ я уважалъ, что это было хорошо. Я слышалъ, что мои боръбы и страданія утишатся послѣ этого, я слышалъ это и читалъ, слышалъ отъ старшихъ, что для здоровья это будетъ хорошо; отъ товарищей же слышалъ, что въ этомъ есть нѣкоторая заслуга, молодечество. Такъ что вообще, кромѣ хорошаго, тутъ ничего не предвидѣлось. Опасность болѣзней? Но и то, вѣдь, предвидѣно. Попечительное правительство заботится объ этомъ. Оно слѣдитъ за правильной дѣятельностью домовъ терпимости и обезпечиваетъ развратъ для гимназистовъ. И доктора, за жалованье, слѣдятъ за этимъ. Такъ и слѣдуетъ. Они утверждаютъ, что развратъ бываетъ полезенъ для здоровья, они же и учреждаютъ правильный, аккуратный развратъ. Я знаю матерей, которыя заботятся въ этомъ смыслѣ о здоровьѣ сыновей. И наука посылаетъ ихъ въ дома терпимости.

— Отчего же наука!—сказалъ я,

— Да кто же доктора! Жрецы науки. Кто развращаетъ юношей, утверждая, что это нужно для здоровья!—они.

А отъ того, что если бы 0,01 этихъ усилій, которыя положены на лѣченіе сифилиса, были положены на искорененіе разврата, сифилиса давно бы не было и помину. А то, усилія употреблены не на искорененіе разврата, а на поощреніе его, на обез-

печеніе безопасности разврата. Ну, да не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что со мной, да и съ 0,9 если не больше, не только нашего сословія, но всѣхъ, даже крестьянъ, случилось то ужасное дѣло, что я палъ не потому, что я подпалъ естественному соблазну прелести извѣстной женщины,—нѣтъ, никакая женщина не соблазнила меня, а я палъ потому, что окружающая меня среда видѣла въ томъ, что было паденіе, одни—самое законное и полезное для здоровья отправление, другіе—самую естественную и не только простительную, но даже невинную забаву для молодого человѣка. И я не понималъ, что тутъ есть паденіе, я просто началъ предаваться тѣмъ, отчасти удовольствіямъ, отчасти потребностямъ, которыя свойственны, какъ мнѣ было внушено, извѣстному возрасту, началъ предаваться этому разврату, какъ я началъ пить, курить. А все-таки въ этомъ первомъ паденіи было что-то особенное и трогательное. Помню, мнѣ тотчасъ же, тамъ же, не выходя изъ комнаты, сдѣлалось грустно, грустно, такъ, что хотѣлось плакать. Плакать о гибели своей невинности, о навѣки погубленномъ отношеніи къ женщинѣ. Да-съ, естественное простое отношеніе къ женщинѣ было погублено навѣки. Чистаго отношенія къ женщинѣ уже у меня съ тѣхъ поръ не было и не могло быть. Я сталъ тѣмъ, что называютъ *блудникомъ*. А быть блудникомъ есть физическое состояніе, подобное состоянію, морфиниста, пьяницы, курильщика. Какъ морфинистъ, пьяница, курильщикъ уже не нор-

мальный человѣкъ, такъ и человѣкъ, познавшій нѣсколькихъ женщинъ для своего удовольствія, уже не нормальный, а испорченный навсегда человѣкъ—блудникъ. Какъ пьяницу и морфиниста можно узнать тотчасъ же по лицу, по приемамъ, точно также и *блудника*. *Блудникъ* можетъ воздерживаться, бороться; но простаго, яснаго, чистаго отношенія къ женщинѣ, братскаго, у него уже никогда не будетъ. По тому, какъ онъ взглянетъ, оглядитъ молодую женщину, сейчасъ можно узнать блудника. И я сталъ блудникомъ и остался такимъ, и это-то и погубило меня.

V.

— Да, такъ-съ. Потомъ пошло дальше, дальше, были всякаго рода отклоненія. Боже мой! какъ вспомню я всѣ мои мерзости въ этомъ отношеніи,—ужасъ беретъ! О себѣ, надъ которымъ товарищи смѣялись за мою, такъ называемую невинность, я такъ вспоминаю. А какъ послушаешь о золотой молодежи, объ офицерахъ, о парижанахъ! И всѣ эти господа, и я, когда мы, бывало, 30-ти лѣтніе

развратники, имѣющіе на душѣ сотни самыхъ разнообразныхъ ужасныхъ преступленій относительно женщинъ, когда мы, 30-ти лѣтніе развратники, входимъ чисто начисто вымытые, выбритые, надушенные, въ чистомъ бѣльѣ, во фракѣ или въ мундирѣ въ гостиную или на балъ — эмблема чистоты — прелесть!

Вѣдь вы подумайте, что бы должно быть, и что есть. Должно бы быть то, что когда въ обществѣ, къ моей сестрѣ, дочери, подступаетъ такой господинъ, я, зная его жизнь, долженъ подойти къ нему, отозвать его въ сторону и тихо сказать: «голубчикъ вѣдь я знаю, какъ ты живешь, какъ проводишь ночи и съ кѣмъ. Тебѣ здѣсь не мѣсто. Здѣсь чистыя, невинныя дѣвушки. Уйди!» Такъ должно бы быть; а есть то, что когда такой господинъ является и танцуетъ, обнимая ее, съ моей сестрой, дочерью, мы ликуемъ, если онъ богатъ и съ связями. Авось онъ удостоитъ послѣ Ригольбожъ и мою дочь. Если даже и остались слѣды нездоровья, — ничего. Нынче хорошо лѣчатъ. Какъ же, я знаю, нѣсколько вышаго свѣта дѣвушекъ выданными родителями съ восторгомъ за больныхъ извѣстной болѣзною. О! о... мерзость! Да придетъ же время, что обличится эта мерзость и ложь!

И онъ нѣсколько разъ издалъ свои странные звуки и взялся за чай. Чай былъ страшно крѣпкій, не было воды, чтобы его разбавить. Я чувствовалъ, что меня волновали особенно выпитые мною два стакана. Должно быть и на него дѣйствовалъ чай,

потому что онъ становился все возбужденнѣе и возбужденнѣе. Голосъ его становился все болѣе и болѣе пѣвучимъ и выразительнымъ. Онъ безпрестанно мѣнялъ позы, то снималъ шапку, то надѣвалъ ее, и лицо его странно измѣнялось въ той полутьмѣ, въ которой мы сидѣли.

— Ну вотъ, такъ я и жилъ до 30-ти лѣтъ, ни на минуту не оставляя намѣренія жениться и устроить себѣ самую возвышенную, чистую семейную жизнь, и съ этой цѣлью приглядывался къ подходящей для этой цѣли дѣвушкѣ, — продолжалъ онъ. — Я гваздался въ гноѣ разврата, и вмѣстѣ съ тѣмъ разглядывалъ дѣвушекъ, по своей чистотѣ достойныхъ меня.

Многихъ я забраковывалъ именно потому, что онѣ были недостаточно чисты для меня; наконецъ я нашелъ такую, которую счелъ достойной себя. Это была одна изъ двухъ дочерей когда-то очень богатаго, но раззорившагося пензенскаго помѣщика.

Въ одинъ вечеръ, послѣ того какъ мы ѣздили въ лодкѣ, и ночью, при лунномъ свѣтѣ, возвращались домой, и я сидѣлъ рядомъ съ ней, и любовался ея стройной фигурой, обтянутой джерси, и ея локонами, я вдругъ рѣшилъ, что это она. Мнѣ показалось въ этотъ вечеръ, что она понимаетъ все, все, что я чувствую и думаю, а что чувствую я и думаю самая возвышенная вещи. Въ сущности же было только то, что джерси былъ ей особенно къ лицу, также и локоны, и что послѣ проведеннаго въ близости съ нею дня, захотѣлось еще большей близости.

Удивительное дѣло, какая полная бываетъ иллюзія того, что красота есть добро. Красивая женщина говорить глупости, ты слушаешь и не слышишь глупости, а слышишь умное. Она говоритъ, дѣлаетъ гадости, и ты видишь что-то милое. Когда же она не говоритъ ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчасъ увѣряешься, что она чудо какъ умна и нравственна.

Я вернулся домой въ восторгѣ и рѣшилъ, что она верхъ нравственного совершенства, и что потому - то она достойна быть моей женой, и на другой день сдѣлалъ предложеніе.

Вѣдь, что это за путаница! Изъ тысячи женящихся мужчинъ, не только въ нашему быту, но къ несчастью, и въ народѣ едва ли есть одинъ, который бы не былъ женатъ уже разъ десять, а то и сто, и тысячу, какъ Донъ-Жуанъ, прежде брака.

Есть теперь, правда, слышу я и наблюдаю, молодые люди чистые, чувствующие и знающіе, что это не шутка, а великое дѣло.

Помоги имъ Богъ! Но въ мое время не было ни одного такого на десять тысячъ. И всѣ знаютъ это и притворяются, что не знаютъ. Во всѣхъ романахъ до подробностей описаны чувства героевъ, пруды, кусты, около которыхъ они ходятъ; но, описывая ихъ великую любовь къ какой нибудь дѣвицѣ, ничего не пишется о томъ, что было съ нимъ, съ интереснымъ героемъ, прежде: ни слова о его посѣщеніи домовъ, о горничныхъ, кухаркахъ, чужихъ, женахъ. Если же есть такіе неприличные романы,

то ихъ не даютъ въ руки главное тѣмъ, кому нужнѣе всего это знать—дѣвушкамъ.

Сначала притворяются передъ дѣвушками въ томъ, что того распутства, которое наполняетъ половину жизни нашихъ городовъ и деревень даже, что этого распутства совсѣмъ нѣтъ.

Потомъ такъ приучаются къ этому притворству, что наконецъ, какъ англичане, сами начинаютъ искренно вѣрить, что мы всѣ нравственные люди и живемъ въ нравственномъ мірѣ. Дѣвушки, тѣ бѣдныя, вѣрятъ въ это совсѣмъ серьезно. Такъ вѣрила и моя несчастная жена. Помню, какъ я, будучи женихомъ, показалъ ей свой дневникъ, изъ котораго она могла узнать, хотя немного, мое прошедшее, главное же про послѣднюю связь, которая была у меня, и о которой она могла узнать отъ другихъ, и про которую я потому то и чувствовалъ необходимость сказать ей. Помню ея ужасъ, отчаяніе и растерянность, когда она узнала и поняла. Я видѣлъ, что она хотѣла бросить меня тогда. И отчего она не бросила!...

Онъ издалъ свой звукъ, отшилъ еще глотокъ чаю и помолчалъ.

VI.

— Нѣтъ, впрочемъ такъ лучше, такъ лучше!— вскрикнулъ онъ.— По дѣлѣмъ мнѣ! Но не въ томъ дѣло. Я хотѣлъ сказать, что обмануты тутъ вѣдь только однѣ несчастныя дѣвушки.

Матери же знаютъ это, особенно матери, воспитанныя своими мужьями, знаютъ это прекрасно. И притворяясь, что вѣрятъ въ чистоту мужчинъ, онѣ на дѣлѣ дѣйствуютъ иначе. Онѣ знаютъ, на какую удочку ловить мужчинъ для себя и для своихъ дочерей.

Вѣдь мы мужчины, только не знаемъ, и не знаемъ потому, что не хотимъ знать—женщины же знаютъ очень хорошо, что самая возвышенная, поэтическая, какъ мы ее называемъ, любовь, зависитъ не отъ нравственныхъ достоинствъ, а отъ физической близости и притомъ прически, цвѣта, покроя платья. Скажите опытной кокеткѣ, задавшей себѣ задачу плѣнить человѣка, чѣмъ она скорѣе хочетъ рисковать: тѣмъ, чтобы быть въ присут-

ствѣи того, кого прельщаетъ, изболѣченной во лжи, жестокости, даже распутствѣ, или тѣмъ, чтобы показаться при немъ въ дурно сшитомъ и некрасивомъ платьѣ—всякая всегда предпочтетъ первое. Она знаетъ, что нашъ братъ все вретъ о высокихъ чувствахъ—ему нужно только тѣло и потому онъ проститъ всѣ гадости, а уродливаго, безвкуснаго, дурного тона костюма не проститъ.

Кокетка знаетъ это сознательно, всякая невинная дѣвушка знаетъ это бессознательно, какъ знаютъ это животныя.

Отъ того эти джерси мерзкіе, эти турнюры, эти голыя плечи, руки, почти груди. Женщины, особенно прошедшія мужскую школу, очень хорошо знаютъ, что разговоры о высокихъ предметахъ—разговорами, а что нужно мужчинѣ тѣло и все то, что выставляетъ его въ самомъ обманчивомъ, но привлекательномъ свѣтѣ; и это самое дѣлается. Вѣдь если откинуть только ту привычку къ этому безобразію, которая стала для насъ второй природою, а взглянуть на жизнь нашихъ высшихъ классовъ, какъ она есть, со всѣмъ ея безстыдствомъ, вѣдь это одинъ сплошной домъ терпимости... Вы не согласны? Позвольте, я докажу,—заговорилъ онъ, перебивая меня.—Вы говорите, что женщины въ нашемъ обществѣ живутъ иными интересами, чѣмъ женщины въ домахъ терпимости, а я говорю, что пѣтъ и докажу. Если люди различны по цѣлямъ жизни, по внутреннему содержанію жизни, то это различіе непременно отразится и во внѣшности, и

внѣшность будетъ различная. Но посмотрите на тѣхъ, на несчастныхъ, призираемыхъ, и на самыхъ высшихъ свѣтскихъ барынь: тѣ же наряды, тѣ же фасоны, тѣ же духи, то же оголеніе рукъ, плечъ, груди и обтягиваніе выставленнаго турнюра; таже страсть къ камушкамъ, къ дорогимъ, блестящимъ вещамъ, тѣ же увеселенія, танцы и музыка, пѣнье. Какъ тѣ заманиваютъ всѣми средствами, такъ и эти.

VII.

— Да такъ вотъ меня эти джерси и локоны, и турнюры поймали.

Поймать же меня легко было, потому что я воспитанъ былъ въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, какъ огурцы на парахъ, выгоняются влюбляющіеся молодые люди. Вѣдь наша возбуждающая излишняя пища при совершенной физической праздности есть не что иное, какъ систематическое разжиганіе похоти. Удивляйтесь, не удивляйтесь, а такъ. Вѣдь я самъ этого до послѣдняго времени ничего не видалъ. А теперь увидалъ. Отъ этого-то меня и му-

часть то, что никто этого не знаетъ, а говорить такія глупости, какъ вонъ та барыня.

Да-съ, около меня, весной, работали мужики на насыпи желѣзной дороги. Обыкновенная пища малаго изъ крестьянъ: хлѣбъ, квасъ, лукъ; онъ живъ, бодръ, здоровъ; работаетъ легкую полевую работу. Онъ поступаетъ на желѣзную дорогу и харчи у него: каша и 1 ф. мяса. Но за то онъ и выпускаетъ это мясо на 16-ти часової работѣ съ тачкой въ 30 пудовъ. И ему какъ разъ такъ. Ну, а мы поѣдающіе по 2 ф. мяса, и дичи, и рыбы, и всякія горячительныя явства и напитки,—куда это идетъ? На чувственные эксессы. И если идетъ туда, спасительный клапанъ открыть, все благополучно; но прикройте клапанъ, какъ я прикрывалъ его временно, и тотчасъ же получается возбужденіе, которое, проходя черезъ призму нашей искусственной жизни, выразится влюбленіемъ самой чистой воды, иногда даже платоническимъ. И я влюбился, какъ всѣ влюбляются.

И все было на лицо: и восторги, и умиленье, и поэзія. Въ сущности же эта моя любовь была пропзведеніемъ съ одной стороны дѣятельности машины и портнихъ, съ другой—избытка поглощавшейся мной пищи при праздной жизни. Не будь съ одной стороны катаній на лодкахъ, не будь портнихъ съ таліями и т. п., а будь моя жена одѣта въ нескладный капоть и сиди она дома, а будь я, съ другой стороны, въ нормальныхъ условіяхъ, чело-вѣкъ, поглощающій пищи столько, сколько нужно

для работы, и будь у меня спасительный клапанъ открыть, а то онъ случайно прикрылся какъ-то на это время, я бы не влюбился, и ничего бы этого не было.

VIII.

— Ну, а тутъ такъ подошло и мое состояніе, и платье хорошо, и катанье на лодкахъ удалось. Двадцать разъ не удавалось, а туто удалось. Въ родѣ какъ канканъ. Я не смѣюсь. Вѣдь теперь браки такъ и устраиваются, какъ канканы. Вѣдь естественно что? Дѣвка созрѣла, надо ее выдать. Кажется, какъ просто, когда дѣвка не уродъ и есть мужчины, желающіе жениться. Такъ и дѣлалось въ старину. Вошла въ возрастъ дѣвка, родители устраивали бракъ. Такъ дѣлалось, дѣлается во всемъ человѣчествѣ: у китайцевъ, индѣйцевъ, магометанъ, у насъ въ народѣ; такъ дѣлается въ родѣ человѣческомъ, по крайней мѣрѣ въ 0,99 его части. Только въ $\frac{1}{100}$ или меньше, насъ распутниковъ, нашли, что это нехорошо и выдумали новое. Да что же новое-то? А

новое то, что дѣвы сидятъ, а мужчины, какъ на базаръ, ходятъ и выбираютъ. А дѣвы ждутъ и думаютъ, но не смѣютъ сказать: «батюшка, меня! нѣтъ, меня! Не ее, а меня: у меня, смотри, какія плечи и другое».—А мы, мужчины, похаживаемъ, поглядываемъ и очень довольны. «Знаю, молъ, я не попадусь». Похаживаютъ, посматриваютъ, очень довольны, что это такъ все для нихъ устроено. Глядь, не поберегся,—хлопъ, тутъ и есть!

— Такъ какъ же быть? сказалъ я. Что же, женщины дѣлать предложеніе?

— Да ужъ я не знаю, какъ; только если равенство, такъ равенство. Если нашли, что сватовство, унително то ужъ это въ 1000 разъ больше. Тамъ права и шансы равны, а здѣсь женщина или раба на базарѣ, или привада въ капканъ. Скажите какой нибудь матушкѣ или самой дѣвушкѣ правду, что она только тѣмъ и занята, чтобы ловить жениха. Боже мой, какая обида! А вѣдь онѣ всѣ только это и дѣлаютъ, и больше имъ дѣлать нечего. И что вѣдь ужасно, это видѣть занятыхъ этимъ, иногда совершенно молоденькихъ, бѣдныхъ невинныхъ дѣвушекъ. И опять, еслибы это открыто дѣлалось, а то все обманъ.—«Ахъ, происхожденіе видовъ, какъ это интересно. А вы будете на выставкѣ? Какъ поучительно! Ахъ Лили очень интересуется живописью! А на тройкахъ, а спектакль, а симфонія? Ахъ, какъ замѣчательно! Моя Лили безъ ума отъ музыки. А вы почему не раздѣляете эти убѣжденія? А на лодкахъ!..» А мысль одна: «возьми, возьми меня, мою Лили! Нѣтъ,

меня! Ну, хоть попробуй!...»—О, мерзость! ложь!—заклучилъ онъ, и допивъ послѣдній чай, принялся убирать чашки и посуду.

IX.

— Да вы знаете,—началъ онъ, укладывая въ мѣшокъ чай и сахаръ,—то властованье женщинъ, отъ котораго страдаетъ міръ, все это происходитъ отъ этого.

— Какъ властованье женщинъ?—сказалъ я.—Права, преимущество правъ на сторонѣ мужчинъ.

— Да, да это, самое,—перебилъ онъ меня.—Это самое то, что я хочу сказать вамъ, это-то и объясняетъ то необыкновенное явленіе, что съ одной стороны совершенно справедливо то, что женщина доведена до самой низкой степени униженія, съ другой стороны,—что она властвуетъ. Точно также, какъ евреи, какъ они своей денежной властью отплачиваютъ за свое угнетеніе, такъ и женщины. «А, вы хотите, чтобы мы были только торговцы. Хорошо, мы, торговцы, завладѣемъ вами», говорятъ ев-

реи.—«А, вы хотите, чтобы мы были только предметъ чувственности, хорошо, мы какъ предметъ чувственности и поработимъ васъ», говорятъ женщины. Не въ томъ отсутствіе правъ женщины, что она не можетъ вотировать или быть судьей. Заниматься этими дѣлами не составляетъ никакихъ правъ, а въ томъ, чтобы въ половомъ общеніи быть равной мужчинѣ, имѣть право пользоваться мужчиною и воздерживаться отъ него по своему желанію, избирать мужчину, а не быть избираемой. Вы говорите, что это безобразно. Хорошо. Тогда чтобъ и мужчина не имѣлъ этихъ правъ. Теперь же женщина лишена этого права, которое имѣетъ мужчина. И вотъ, чтобъ возмѣстить это право, она дѣйствуетъ на чувственность мужчины, черезъ чувственность покоряетъ его такъ, что онъ только формально выбираетъ, а въ дѣйствительности выбираетъ, она. А разъ овладѣвъ этимъ средствомъ, она уже злоупотребляетъ имъ и пріобрѣтаетъ страшную власть надъ людьми.

— Да гдѣ же эта особенная власть?—спросилъ я.

— Гдѣ власть? Да вездѣ, во всемъ. Пройдите въ каждомъ большомъ городѣ по магазинамъ. Милліоны тутъ, не оцѣнишь положенныхъ туда трудовъ людей, а посмотрите въ 0,9 этихъ магазиновъ, есть ли хоть что нибудь для мужского употребленія? Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами.

Считите всѣ фабрики. Огромная доля ихъ работаетъ бесполезныя украшенія, экипажи, мебель, иг-

рушки для женщинъ. Милліоны людей, поколѣнія рабовъ гибнутъ въ этомъ каторжномъ трудѣ на фабрикахъ, только для прихоти женщинъ. Женщины, какъ царицы, держатъ въ плѣну рабства и тяжелаго труда 0,9 рода человѣческаго. А все отъ того, что ихъ унизили, лишили ихъ равныхъ правъ съ мужчинами. И вотъ онѣ мстятъ дѣйствіемъ на нашу чувственность, уловленіемъ насъ въ свои сѣти. Да, все отъ этого.

Женщины устроили изъ себя такое орудіе воздѣйствія на чувственность, что мужчина не можетъ спокойно обращаться съ женщиной. Какъ только мужчина подошелъ къ женщиѣ, такъ и подпалъ подъ ея дурманъ и ошалѣлъ. И прежде мнѣ всегда бывало неловко, жутко, когда я видалъ разряженную даму въ бальномъ платьѣ, но теперь мнѣ прямо страшно, я вижу нѣчто опасное для людей и противузаконное, и хочется крикнуть полицейскаго, звать защиту противъ опасности, потребовать того, чтобы убрали, устранили опасный предметъ.

— Да, вы смѣтаетесь!—закричалъ онъ на меня,—а это вовсе не шутка. Я увѣренъ, что придетъ время, и можетъ быть очень скоро, что люди поймутъ это и будутъ удивляться, какъ могло существовать общество, въ которомъ допускались такіе нарушающіе общественное спокойствіе поступки, какъ тѣ, прямо вызывающіе чувственность, украшенія своего тѣла, которыя допускаются для женщинъ въ нашемъ обществѣ. Вѣдь это все равно, что разставить по гуляньямъ, по дорожкамъ всякіе капканы,—хуже!

Отчего азартная игра запрещена, а женщины въ вызывающихъ чувственность нарядахъ, не запрещены? Онѣ опаснѣе въ тысячу разъ!

X.

— Ну вотъ, такъ-то и меня поймали. Я былъ то, что называется влюбленъ. Я не только представлялъ ее себѣ верхомъ совершенства, я и себя за это время моего жениховства представлялъ тоже верхомъ совершенства. Вѣдь нѣтъ того негодяя, который поискавъ, не нашелъ бы негодяевъ въ какомъ-нибудь отношеніи хуже себя, и который по этому не могъ бы найѣти повода гордиться и быть довольнымъ собою. Такъ и я: я женился не на деньгахъ—корысть была не при чемъ, не такъ, какъ большинство моихъ знакомыхъ женились изъ-за денегъ или связей—я былъ богатъ, она бѣдна. Это одно. Другое, чѣмъ я гордился, было то, что другіе женились съ намѣреніемъ впередъ продолжать жить въ такомъ же многоженствѣ, въ какомъ они жили до брака; я же имѣлъ твердое намѣреніе держаться послѣ свадьбы единобрачія, и не было предѣловъ моеи

гордости передъ собою за это. Да, свинья я былъ ужасная и воображалъ себѣ, что я ангель.

Время, пока я былъ женихомъ, продолжалось недолго. Безъ стыда теперь не могу вспомнить это время жениховства! Какая радость! Вѣдь подразумеваются любовь духовная, а не чувственная. Ну, если любовь духовная, духовное общеніе, то словами, разговорами, бесѣдами должно бы выразиться это духовное общеніе. Ничего же этого не было. Говорить, бывало, когда мы остаемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была Сизифова работа. Только выдумаешь что сказать, скажешь, опять надо молчать, придумывать. Говорить не о чемъ было. Все, что можно было сказать о жизни, ожидавшей насъ, устройствѣ, планахъ—было сказано, а дальше что? Вѣдь если бы мы были животныя, то такъ бы и знали, что говорить намъ не полагается; а тутъ, напротивъ, говорить надо, и нечего, потому что занимаетъ не то, что разрѣшается разговорами. А при этомъ еще этотъ безобразный обычай конфектъ, грубаго обжорства сладкимъ, и всѣ эти мерзкія приготовленія къ свадьбѣ: толки о квартирѣ, спальнѣ, постеляхъ, капотахъ, халатахъ, бѣльѣ, туалетахъ. Вѣдь вы поймите, что если женятся по Домострою, какъ говорилъ этотъ старикъ, то пуховики, приданое, постель—все это только подробности, соотвѣтствующія таинству. Но у насъ, когда изъ десяти брачующихся навѣрное девять не только не вѣрятъ въ таинство, но не вѣрятъ даже въ то, что то, что они дѣлаютъ, есть нѣкоторое обязательство,

когда изъ ста мужчинъ, едва ли одинъ есть уже не женатый прежде и изъ 50-ти одинъ, который впередъ не готовился бы измѣнить своей женѣ при всякомъ удобномъ случаѣ, когда большинство смотритъ на поѣздку въ церковь только какъ на особенное условіе обладанія извѣстной женщиной,—подумайте, какое ужасное значеніе получаютъ при этомъ всѣ эти подробности. Выходитъ, что дѣло то все только въ этомъ. Выходитъ что-то въ родѣ продажи. Развратнику продаютъ невинную дѣвушку и обставляютъ эту продажу извѣстными формальностями.

XI.

Такъ всѣ женятся, такъ и я женился, и начался хваленый медовый мѣсяцъ. Вѣдь названіе-то одно какое подлое!—съ злобой прошипѣлъ онъ. — Я ходилъ разъ въ Парижъ по всѣмъ зрѣлищамъ и зашелъ смотрѣть по вывѣскѣ женщину съ бородой и водяную собаку. Оказалось, что это было больше ничего, какъ мужчина декольте въ женскомъ платьѣ, и собака, засунутая въ моржевую кожу и плавающая въ ваннѣ съ водой. Все было очень мало ин-

тересно; но когда я выходилъ, то меня учтиво провожалъ показыватель и, обращаясь къ публикѣ у входа, указывая на меня, говорилъ: «вотъ спросите господина, стоитъ ли смотрѣть? Заходите, заходите, по франку съ человѣка!» Мнѣ совѣстно было сказать, что смотрѣть не стоитъ, и показывающій. вѣроятно, рассчитывалъ на это. Такъ вѣроятно бываетъ и съ тѣми, которые испытали всю мерзость медоваго мѣсяца, и не разочаровываютъ другихъ. Я тоже не разочаровывалъ никого, но теперь не вижу, почему не говорить правду. Даже считаю, что необходимо говорить объ этомъ правду. Неловко, стыдно, гадко, жалко, и главное скучно, до невозможности скучно! Это нѣчто въ родѣ того, что я испытывалъ, когда пріучался курить, когда меня тянуло рвать и текли слюны, а я глоталъ ихъ и дѣлалъ видъ, что мнѣ очень пріятно. Наслажденіе отъ куренья также, какъ и отъ этого, если будетъ, то будетъ потомъ: надо чтобъ супругъ воспиталъ въ женѣ этотъ порокъ, для того чтобъ получить отъ него наслажденіе.

— Какъ, порокъ?—сказалъ я.—Вѣдь вы говорите о самомъ естественномъ человѣческомъ свойствѣ.

— Естественномъ? — сказалъ онъ. — Естественномъ? Нѣтъ, я скажу вамъ напротивъ, что я пришелъ къ убѣжденію, что это *не...* естественно. Да, совершенно *не...* естественно. Спросите у дѣтей, спросите у не развращенной дѣвушки.

— Вы говорите естественно!

— Естественно ѣсть. И ѣсть радостно, легко, пріят-

но и не стыдно съ самаго начала; здѣсь же и мерзко, и стыдно, и больно. Нѣтъ, это неестественно! И дѣвушка не испорченная, я убѣдился, всегда ненавидѣть это.

— Какъ же, сказалъ я, какъ же бы продолжался родъ человѣческій?

— Да, вотъ какъ бы не погибъ родъ человѣческій!—сказалъ онъ злобно иронически, какъ бы ожидая этого знакомаго ему и недобросовѣстнаго возраженія, — Проповѣдуй воздержаніе отъ дѣторожденія во имя того, чтобы англійскимъ лордамъ всего можно было обжираться—это можно. Проповѣдуй воздержаніе отъ дѣторожденія во имя того, чтобы больше было пріятности, это можно: а законись только о томъ, чтобы воздерживаться отъ дѣторожденія во имя нравственности, — батюшки, какой крикъ! родъ человѣческій какъ бы не прекратился отъ того, что хочетъ перестать быть свиньями. Впрочемъ извините. Мнѣ непріятенъ этотъ свѣтъ, можно закрыть?—сказалъ онъ, указывая на фонарь. Я сказалъ, что мнѣ все равно, и тогда онъ поспѣшно, какъ все, что онъ дѣлалъ, всталъ на сидѣнье и задернулъ шерстяной занавѣской фонарь.

— Все-таки,—сказалъ я,—если бы всѣ признали это для себя закономъ, родъ человѣческій прекратился бы.

Онъ не сейчасъ отвѣтилъ.

— Вы говорите родъ человѣческій какъ будетъ продолжаться,—сказалъ онъ, усѣвшись опять противъ меня и широко раскрывъ ноги и низко опер-

шись на нихъ локтями.—Зачѣмъ ему продолжаться, роду-то человѣческому?—сказалъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? иначе бы насъ не было.

— Да зачѣмъ намъ быть?

— Какъ зачѣмъ? Да чтобы жить.

— А жить зачѣмъ? Если нѣтъ цѣли никакой, если жизнь для жизни намъ дана, не зачѣмъ жить. И если такъ, то Шопенгауэры и Гартманы, да и всѣ Буддисты, совершенно правы. Ну, а если есть цѣль жизни, то ясно, что жизнь должна прекратиться, когда достигнется цѣль. Такъ оно и выходитъ, — говорилъ онъ съ видимымъ волненіемъ, очевидно, очень дорожа своей мыслью.—Такъ оно и выходитъ. Вы замѣтите. . если цѣль человѣчества—благо, добро, любовь, какъ хотите; если цѣль человѣчества есть то, что сказано въ пророчествахъ, что всѣ люди соединятся въ едино любовью, что раскуютъ копья на серпы и т. д., то вѣдь достиженію этой цѣли мѣшаетъ что? Мѣшаютъ страсти. Изъ страстей самая сильная и злая и упорная—половая, плотская любовь, и потому если уничтожатся страсти, и послѣдняя, самая сильная изъ нихъ, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся въ едино, цѣль человѣчества будетъ достигнута и ему не за чѣмъ будетъ жить. Пока же человѣчество живетъ, передъ нимъ стоитъ идеаль, и разумѣется, идеаль не кроликовъ или свиней, чтобы расплодиться какъ можно больше, и не обезьянъ или парижанъ, чтобы какъ можно утонченнѣе пользоваться удовольствіями половой

страсти, а идеаль добра, достигаемый воздержаніемъ и чистотою. Къ нему всегда стремились и стремятся люди. И посмотрите, что выходитъ.

Выходитъ, что плотская любовь—это спасительный клапанъ. Не достигло теперь живущее поколѣніе челоувѣчества цѣли, то не достигло оно только потому, что въ немъ есть страсти, и сильнѣйшая изъ нихъ—половая. А есть половая страсть, есть новое поколѣніе, стало быть и есть возможность достиженія цѣли въ слѣдующемъ поколѣніи. Не достигло и то, опять слѣдующее, и такъ до тѣхъ поръ, не достигнется цѣль, не исполнится пророчество, не соединятся люди воедино. А то вѣдь что бы вышло? Если допустить, что Богъ сотворилъ людей для достиженія извѣстной цѣли и сотворилъ бы ихъ или смертными, безъ половой страсти, или вѣчными. Если бы они были смертны, но безъ половой страсти, то вышло бы что? то, что они прожили бы, и, не достигнувъ цѣли, умерли бы; а чтобы достигнуть цѣли, Богу надо бы сотворять новыхъ людей. Если же бы они были вѣчны, то положимъ (хотя это и труднѣе тѣмъ же людямъ, а не новымъ поколѣніямъ исправлять ошибки и приближаться къ совершенству), положимъ бы достигли послѣ многихъ тысячъ лѣтъ, но тогда зачѣмъ же они? Куда жъ ихъ дѣтъ? Именно такъ, какъ есть, лучше всего... Но, можетъ быть, вамъ не нравится эта форма выраженія и вы эволюционистъ. То и тогда выходитъ то же самое. Высшая порода животныхъ,—людская, для того чтобы удер-

жаться въ борьбѣ съ другими животными, должна сомкнуться воедино, какъ рой пчелъ, а не бесконечно плодится; должна также, какъ пчелы, воспитывать безполыхъ, т. е. опять должна стремиться къ воздержанію, а никакъ не къ разжиганію похоти, къ чему направленъ весь строй нашей жизни.—Онъ помолчалъ.—Родъ человѣческій прекратится? Да неужели кто-нибудь, какъ бы онъ ни смотрѣлъ на міръ, можетъ сомнѣваться въ этомъ. Вѣдь это такъ же несомнѣнно, какъ смерть. Вѣдь по всѣмъ ученіямъ церковнымъ придетъ конецъ міра и по всѣмъ ученіямъ научнымъ неизбѣжно то же самое.

XII.

— Въ нашемъ же мірѣ какъ разъ обратное: если человѣкъ еще думалъ о воздержаніи, будучи холостымъ, то, женившись, всякій считаетъ, что теперь воздержаніе уже не нужно. Вѣдь эти отъѣзды послѣ свадьбы, уединенія, въ которыя, съ разрѣшенія родителей отправляются молодые—вѣдь это не что иное, какъ разрѣшеніе на развратъ. Но нравственный законъ самъ за себя отплачиваетъ, когда

нарушить его. Сколько я ни старался устроить себѣ медовый мѣсяцъ,—ничего не выходило. Все время было гадко, стыдно и скучно. Но очень скоро стало еще мучительно тяжело. Началось это очень скоро. Кажется, на 3-й или на 4-й день я засталъ жену скучною, сталъ спрашивать, о чемъ, сталъ обнимать ее, что по моему было все, чего она могла желать, а она отвела мою руку и заплакала. О чемъ? Она не умѣла сказать. Но ей было грустно, тяжело. Вѣроятно ея измученные нервы подсказали ей истину о гадости нашихъ сношеній; но она не умѣла сказать. Я сталъ допрашивать: она что-то сказала, что ей грустно безъ матери. Мнѣ показалось, что это неправда. Я сталъ уговаривать ее, промолчавъ о матери. Я не понималъ, что ей просто было тяжело, а мать была только отговорка. Но она тотчасъ же обидѣлась за то, что я умолчалъ о матери, какъ будто не повѣривъ ей. Она сказала мнѣ, что видитъ, что я не люблю ее. Я упрекнулъ ее въ капризѣ, и вдругъ лицо ея совсѣмъ измѣнилось, вмѣсто грусти выразилось раздраженіе, и она самыми ядовитыми словами начала упрекать меня въ эгоизмѣ и жестокости. Я взглянулъ на нее. Все лицо ея выражало полнѣйшую холодность и враждебность, ненависть почти, ко мнѣ. Помню, какъ я ужаснулся, увидавъ это. Какъ? что? думалъ я, Любовь—союзъ души, и вмѣсто этого вотъ что! Да не можетъ быть, да это не она! Я попробовалъ было смягчить ее, но наткнулся на такую непреодолимую стѣну холодной, ядовитой враждебности, что

не успѣлъ я оглянуться, какъ раздраженіе захватило и меня, и мы наговорили другъ другу кучу непріятностей. Впечатлѣніе этой первой ссоры было ужасно. Я называлъ это ссорой, но это была не ссора, а это было только обнаруженіе той пропасти, которая въ дѣйствительности была между нами. Влюбленность истощилась удовлетвореніемъ чувственности, и остались мы другъ противъ друга въ нашемъ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, т. е. два совершенно чуждые другъ другу эгоисты, желающіе получить себѣ какъ можно больше удовольствія одинъ черезъ другого. Я называлъ ссорой то, что произошло между нами: но это была не ссора, а это было только слѣдствіе прекращенія чувственности, обнаружившее наше дѣйствительное отношеніе другъ къ другу. Я не понималъ, что это холодное и враждебное отношеніе было нашимъ нормальнымъ отношеніемъ, не понималъ этого потому, что это враждебное отношеніе въ первое время очень скоро опять закрылось отъ насъ вновь поднявшеюся перегонной чувственностью, т. е. влюбленіемъ.

И я думалъ, что мы поссорились и помирились, и что больше этого уже не будетъ. Но въ этотъ же первый модовый мѣсяцъ очень скоро наступилъ опять періодъ пресыщенія, опять мы перестали быть нужными другъ другу, и произошла опять ссора. Вторая ссора эта поразила меня еще больше, чѣмъ первая.—«Стало быть первая не была случайностью, а это такъ и должно быть и такъ и

и будетъ»,—думалъ я. Вторая ссора тѣмъ болѣе поразила меня, что она возникла по самому невозможному поводу. Что-то такое изъ за денегъ, которыхъ я никогда не жалѣлъ, и ужъ никакъ не могъ жалѣть для жены. Помню только, что она такъ какъ-то повернула дѣло, что какое-то мое замѣчаніе оказалось выраженіемъ моего желанія властвовать надъ ней черезъ деньги, на которыхъ я утверждалъ будто бы свое, и исключительное право, что-то невозможное, глупое, подлое, неестественное ни мнѣ, ни ей. Я раздражился, сталъ упрекать ее въ не деликатности, она меня,—и пошло опять. И въ словахъ, и въ выраженіи ея лица и глазъ я увидалъ опять ту же, прежде такъ поразившую меня, жестокую, холодную враждебность. Съ братомъ, съ пріятелями, съ отцомъ, я помню, и ссорился, но никогда между нами не было той особенной, ядовитой злобы, которая была тутъ. Но прошло нѣсколько времени, и опять эта взаимная ненависть скрылась подъ влюбленностью, т. е. чувственностью, и я еще утѣшался мыслью, что эти двѣ ссоры были ошибки, которыя можно исправить. Но вотъ наступила третья, четвертая ссора, и я понялъ, что это не случайность, а что это такъ должно быть, такъ и будетъ, и я ужаснулся тому, что предстоитъ мнѣ. При этомъ мучила меня еще та ужасная мысль, что это одинъ я только такъ дурно, не похоже на то, что я ожидалъ, живу съ женой, тогда какъ въ другихъ супружествахъ этого не бываетъ. Я не зналъ еще тогда, что это

общая участь, но что всё также, какъ я, думаютъ, что это ихъ исключительное несчастіе, скрываютъ это исключительное, постыдное свое несчастіе не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя, сами себѣ не признаются въ этомъ.

Началось съ первыхъ дней и продолжалось все время, и все усиливаясь и ожесточаясь. Въ глубинѣ души я съ первыхъ же недѣль почувствовалъ, что я пропалъ, что вышло не то, чего я ожидалъ, что женитьба не только несчастіе, но нѣчто очень тяжелое, но я, какъ и всё, не хотѣлъ признаться себѣ (я бы не признался себѣ и теперь, если бы не конецъ) и скрывалъ не только отъ другихъ, но отъ себя. Теперь я удивляюсь, какъ я не видалъ своего настоящаго положенія. Его можно бы уже видѣть потому, что ссоры начинались изъ такихъ поводовъ, что невозможно бывало послѣ, когда онѣ кончались, вспомнить изъ-за чего. Разсудокъ не поспѣвалъ *поддѣлать* подъ постоянно существующую враждебность другъ къ другу достаточныхъ поводовъ. Но еще поразительнѣе была недостаточность предлоговъ примиренья. Иногда бывали слова, объясненія, даже слезы, но иногда... охъ! гадко и теперь вспомнить—послѣ самыхъ жестокихъ словъ другъ другу, вдругъ молча взгляды, улыбки, поцѣлуи, объятія... Фу, мерзость! Какъ я могъ не видѣть всей гадости этого тогда...»

ХІІІ.

Взошли два пассажира и стали усаживаться на дальней лавочкѣ. Онъ молчалъ, пока они усаживались, но какъ только они затихли, онъ продолжалъ ни на минуту не теряя нити своей мысли.

— Вѣдь что главное погано, — началъ онъ, — предполагается въ теоріи, что любовь есть нѣчто идеальное, возвышенное, а на практикѣ любовь вѣдь есть нѣчто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Вѣдь не даромъ же природа сдѣлала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то такъ и надо понимать. А тутъ, напротивъ, люди дѣлаютъ видъ, что мерзкое и стыдное прекрасно и возвышенно. Какія были первые признаки моей любви? А тѣ, что я предавался животнымъ излишествамъ, не только не стыдись ихъ, но почему-то гордись возможностью этихъ фзическихъ излишествъ, не думая притомъ нисколько, не только о ея духовной

жизни, по даже и объ ея физической жизни. Я удивлялся, откуда бралось наше озлобленіе другъ къ другу, а дѣло было совершенно ясно: озлобленіе это было ничто иное, какъ протестъ человѣческой природы противъ животнаго, которое подавляло его.

Я удивлялся нашей ненависти другъ къ другу. А вѣдь это и не могло быть иначе. Эта ненависть была ничто иное, какъ ненависть взаимная сообщниковъ преступленія—и за подстрекательство, и за участіе въ преступленіи. Какъ же не преступленіе, когда она, бѣдная, забеременѣла въ первый же мѣсяцъ, а наша *свиная* связь продолжалась. — Вы думаете, что я отступаю отъ разсказа — нисколько! Это я все рассказываю вамъ, *какъ* я убилъ жену. На судѣ у меня спрашиваютъ, чѣмъ, какъ я убилъ жену? Дурачье! думаютъ, что я убилъ ее тогда, ножомъ, 5 Октября. Я не тогда убилъ ее, а гораздо раньше. Такъ точно, какъ они всѣ теперь убиваютъ, всѣ, всѣ...

— Да чѣмъ же? спросилъ я.

— Вотъ это-то и удивительно, что никто не хочетъ знать того, что такъ ясно и очевидно, того, что должны знать и проповѣдывать доктора, но про что они молчатъ. Вѣдь дѣло ужасно просто. Мужчнна и женщина сотворены такъ, какъ животное, такъ, что послѣ плотской любви начинается беременность, потомъ кормленіе, такія состоянія, при которыхъ для женщины такъ же, какъ и для ея ребенка, плотская любовь вредна. Женщинъ и

мужчинъ равное число. Что же изъ этого слѣдуетъ? Кажется, ясно. И не нужно большой мудрости, чтобы сдѣлать изъ этого тотъ выводъ, который дѣлаютъ животныя, т.-е. воздержаніе. Но нѣтъ. Наука дошла до того, что нашла какихъ-то левкоцитовъ, которые бѣгаютъ въ крови, и всякія ненужныя глупости, а этого не могла понять. Но крайней мѣрѣ не слышать, чтобы она говорила это.

И вотъ для женщины только два выхода: одинъ сдѣлать изъ себя уродъ, уничтожить или уничтожить въ себѣ, по мѣрѣ надобности, способность быть женщиной, т. е. матерью, для того, чтобы мужчина могъ спокойно и постоянно наслаждаться; или другой выходъ, даже не выходъ, а простое, грубое, прямое нарушеніе законовъ природы, который совершается во всѣхъ, такъ называемыхъ честныхъ семьяхъ. А именно тотъ, что женщина, наперекоръ своей природѣ, должна быть одновременно и беременной, и кормилицей, и любовницей, должна быть тѣмъ, до чего не спускается ни одно животное. И силъ не можетъ хватить. И оттого въ нашемъ быту истерики, нервы, а въ народѣ—кликуши. Вы замѣтите, у дѣвушекъ, у чистыхъ, нѣтъ кликушества, только у бабъ, и у бабъ, живущихъ съ мужьями. Такъ у насъ. Точно также и въ Европѣ. Всѣ больницы истерпчныхъ полны женщинъ, нарушающихъ законъ природы. Но вѣдь кликуши и пациентки Шарко — это совсѣмъ увѣчныя, а полукалѣкъ женщинъ—полонъ міръ. Вѣдь только подумать, какое великое дѣло совершается въ

женщинѣ, когда она понесла плодъ или когда кормитъ родившагося ребенка. Растетъ то, что продолжаетъ, замѣняетъ насъ. И это - то святое дѣло нарушается — чѣмъ же? — страшно подумать! — И толкуютъ о свободѣ, о правахъ женщины. Это все равно, что людоѣды откармливали бы людей плѣнныхъ на ѣду и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли бы, что они заботятся о ихъ правахъ и свободѣ.

Все это было ново и поразило меня.

— Такъ какъ же? Если такъ, то — сказалъ я — выходитъ, что любить жену можно разъ въ два года, а мужчина...

— Мужчинѣ необходимо, — подхватилъ онъ. — Опять милые жрецы науки увѣрили всѣхъ. Внушите человѣку, что ему необходима водка, табакъ, опиумъ, и все это будетъ необходимо. Выходитъ, что Богъ не понималъ того, что нужно, и потому, не спросившись у волхвовъ, дурно устроилъ. Извольте видѣть, дѣло не сходится. Мужчинѣ нужно и необходимо, такъ рѣшили они, удовлетворять свою похоть, а тутъ замѣшалось дѣторожденіе и кормленіе дѣтей, мѣшающія удовлетворенію этой потребности. Какъ же быть-то? Обратиться къ волхвамъ, они устроятъ. Они и придумали. Охъ! когда это развѣнчаются эти волхвы съ своими обманами? Пора! Дошло уже вотъ докуда! съ ума сходятъ и стрѣляются, и все отъ этого. Да какъ же иначе, Животныя, какъ будто знаютъ, что потомство продолжаетъ ихъ родъ, и держатся извѣстнаго закона въ этомъ отношеніи. Только человѣкъ этого

знать не знаетъ и не хочетъ. И озабоченъ только тѣмъ, чтобы имѣть какъ можно больше удовольствія. И это кто-же? Царь природы, человѣкъ! Вѣдь вы замѣтите, животныя сходятся только тогда, когда могутъ производить потомство, а поганый царь природы—всегда, только бы пріятное. И мало того, возводитъ это обезьянье занятіе въ перлъ созданія въ любовь. И во имя этой любви, т. е. пакости, губить, — что же? половину рода человѣческаго. Изъ всѣхъ женщинъ, которыя должны бы быть помощницами въ движеніи человѣчества къ истинѣ и благу, онъ во имя своего удовольствія дѣлаетъ не помощницъ, но враговъ. Посмотрите, что тормазитъ повсюду движеніе человѣчества впередъ? Женщины. А отчего онъ такія? А только отъ этого. Да-съ, да-съ,—повторилъ онъ нѣсколько разъ и сталъ шевелиться, доставать папиросы и курить, очевидно желая нѣсколько успокоиться. .

XIV.

— Вотъ такой-то свиньей я и жилъ,—продолжалъ онъ опять прежнимъ тономъ. Хуже же всего было то, что живя этой скверной жизнью, я воображалъ, что потому, что я не соблазняюсь другими женщинами, что поэтому, я живу честной семейной жизнью, что я нравственный человѣкъ, и что я ни въ чемъ не виноватъ, а что если у насъ происходятъ ссоры, то виновата она, ея характеръ.

Виновата же была, разумѣется, не она. Она была такая же, какъ и всѣ, какъ большинство. Воспитана она была, какъ того требуетъ положеніе женщины въ нашемъ обществѣ, и поэтому какъ и воспитываются всѣ, безъ исключенія, женщины обеспеченныхъ классовъ, и какъ онѣ не могутъ не воспитываться. Толкуютъ о какомъ-то новомъ женскомъ образованіи. Все пустяя слова: образованіе женщины точно такое, какое должно быть при су-

ществующемъ непритворномъ истинномъ, всеобщемъ взглядѣ на женщину.

И образованіе женщины будетъ всегда соответствовать взгляду на нее мужчины. Вѣдь все мы знаемъ, какъ мужчины смотрятъ на женщину: «Weib, Weib, und Gesang», и такъ въ стихахъ поэты говорятъ. Возьмите всю поэзію, всю живопись, скульптуру, начиная съ любовныхъ стиховъ и голыхъ Венеръ и Фринъ, вы видите, что женщина есть орудіе наслажденія; она такова на Трубѣ и на Грачевкѣ и на утонченнѣйшемъ балѣ. И замѣтите, хитрость дьявола: ну, наслажденіе, удовольствіе, такъ такъ бы и знать, что удовольствіе, что женщина сладкій кусокъ. Нѣтъ сначала рыцари увѣряютъ, что они боготворятъ женщину (боготворятъ, а все-таки смотрятъ на нее, какъ на орудіе наслажденія). Теперь же увѣряютъ, что уважаютъ женщину. Одни уступаютъ ей мѣсто, поднимаютъ ей платки; другіе признаютъ ея права на занятіе всѣхъ должностей, на участіе въ правленіи и т. д. Это все дѣлаютъ, а взглядъ на нее все тотъ же. Она орудіе наслажденія. Тѣло ея есть средство наслажденія. И она знаетъ это. Все равно какъ рабство. Рабство вѣдь есть ничто иное, какъ пользованье однихъ подневольнымъ трудомъ многихъ. И потому, чтобы рабства не было, надо чтобы люди не желали пользоваться подневольнымъ трудомъ другихъ, считали бы это грѣхомъ или стыдомъ. А между тѣмъ возьмутъ, отмѣнятъ внѣшнюю форму рабства, устроятъ такъ, что нельзя больше совер-

шать купчихъ на рабовъ, и воображаютъ и себя увѣряютъ, что рабства уже нѣтъ, и не видятъ и не хотятъ видѣть того, что рабство продолжаетъ быть, потому что люди точно также любятъ и считаютъ хорошимъ и справедливымъ пользоваться трудами другихъ. А какъ скоро они считаютъ это хорошимъ, то всегда найдутся люди, которые сильнѣе или хитрѣе другихъ и съумѣютъ это сдѣлать. Тоже и съ эмансипаціей женщины. Рабство женщины вѣдь только въ томъ, что люди желаютъ и считаютъ очень хорошимъ пользоваться ею, какъ орудіемъ наслажденія. Ну, и вотъ освобождаютъ женщину, даютъ ей всякія права, равныя мужчинѣ, но продолжаютъ смотрѣть на нее какъ на орудіе наслажденія, такъ воспитываютъ ее и въ дѣтствѣ и общественнымъ мнѣніемъ. И вотъ она все такая же приниженная, развращенная раба, и мужчина все такой же развращенный рабовладѣлецъ.

Освобождаютъ женщину на курсахъ и въ палатахъ, а смотрятъ на нее, какъ на предметъ наслажденія. Научите ее, какъ она научена у насъ, смотрѣть такъ на себя, самую себя, и она всегда останется низшимъ существомъ. Или она будетъ съ помощью мерзавцевъ докторовъ предупреждать зарожденіе плода, т. е. будетъ вполнѣ проститутка, спустившаяся не на ступень животнаго, но на ступень вещи, или она будетъ то, что она есть въ большей части случаевъ—больной душевно, истеричной, несчастной, какія онѣ и есть, безъ возможности духовнаго развитія.

Гимназіи и курсы не могутъ измѣнить этого. Измѣнить это можетъ только перемѣна взгляда мужчинъ на женщинъ и женщинъ самихъ на себя. Перемѣнится это только тогда, когда женщина будетъ считать высшимъ положеніемъ — положеніе дѣвственницы, а не такъ, какъ теперь, высшее состояніе челоѡка—стыдомъ, позоромъ. Пока же этого нѣтъ, идеаль всякой дѣвушки, какое бы ни было ея образованіе—будетъ все-таки тотъ, чтобы привлечь къ себѣ какъ можно больше мужчинъ, какъ можно больше самцевъ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность выбора.

А то, что одна побольше знаетъ математики, а другая умѣетъ играть на арфѣ, это ничего не измѣнитъ. Женщина счастлива и достигаетъ всего, чего она можетъ желать, когда она обворожитъ мужчину. И потому главная задача женщины—умѣть обвораживать его. Такъ это было и будетъ. Такъ это въ дѣвичьей жизни въ нашемъ мірѣ, такъ продолжается и въ замужней. Въ дѣвичьей жизни это нужно для выбора, въ замужней для властвованья надъ мужемъ.

Одно, что прекращаетъ или хотъ подавляетъ на время это—это дѣти, и то тогда, когда женщина не уродъ, т. е. сама кормитъ. Но тутъ опять доктора.

Съ моею женою, которая сама хотѣла кормить и кормила слѣдующихъ пятерыхъ дѣтей, случилось съ первымъ ребенкомъ нездоровье. Доктора эти, которые цинически раздѣвали и онцупывали

ее вездѣ, за что я долженъ былъ ихъ благодарить и платить имъ деньги, доктора эти милые нашли, что она не должна кормить, и она на первое время лишена была того единственнаго средства, которое могло избавить ее отъ кокетства. Кормила кормилица, т. е. мы воспользовались бѣдностью, нуждой и невѣжествомъ женщины, сманили ее отъ ея ребенка къ своему, и за это одѣли ее въ кокошникъ съ галунами. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что въ это самое время ея свободы отъ беременности и кормленія, въ ней съ особенной силой проявилось прежде заснувшее, это женское кокетство. И во мнѣ, соотвѣтственно этому, съ особенной же силой проявились, мученія ревности, которыя не переставая, терзали меня во все время моей женатой жизни, какъ они и не могутъ не терзать всѣхъ тѣхъ супруговъ, которыя живутъ съ женами, какъ я жилъ, т. е. безправственно.

XV.

Я во все время моей женатой жизни никогда не переставалъ испытывать терзанія ревности. Но были періоды, когда я особенно рѣзко страдалъ этимъ. И одинъ изъ такихъ періодовъ былъ тотъ, когда послѣ перваго ребенка доктора запретили ей кормить. Я особенно ревновалъ въ это время, во первыхъ потому, что жена испытывала то свойственное матери безпокойство, которое должно вызывать безпричинное нарушеніе правильнаго хода жизни; во вторыхъ потому, что увидавъ, какъ она легко отбросила нравственную обязанность матери, я справедливо, хотя и безсознательно, заключилъ, что ей такъ же легко будетъ отбросить и супружескую, тѣмъ болѣе, что она была совершенно здорова и, несмотря на запрещеніе милыхъ докторовъ, кормила слѣдующихъ дѣтей и выкормила прекрасно.

— Однако вы не любите докторовъ, — сказалъ я, — замѣтивъ особенно злое выраженіе голоса всякій разъ, какъ онъ упоминалъ только о нихъ.

— Тутъ не дѣло любви или нелюбви. Они погу-

били мою жизнь, какъ они губили и губятъ жизнь тысячъ, сотенъ тысячъ людей, а я не могу не связывать слѣдствія съ причиною. Я понимаю, что имъ хочется такъ же, какъ и адвокатамъ и другимъ, наживать деньги, и я бы охотно отдалъ имъ половину своего дохода, и каждый, если бы понималъ то, что они дѣлаютъ, охотно бы отдалъ имъ половину своего достатка, только чтобы они не вмѣшивались въ вашу семейную жизнь, никогда бы близко не подходили къ вамъ. Я вѣдь не собиралъ свѣдѣній, но я знаю десятки случаевъ—ихъ прогнать, въ которыхъ они убили то ребенка въ утробѣ матери, увѣряя, что мать не можетъ разродиться, а мать потомъ рождаетъ прекрасно; то матерей подъ видомъ какихъ-то операций. Вѣдь никто не считаетъ этихъ убійствъ, какъ не считали убійствъ инквизиціи, потому что предполагалось, что это на благо чело-вѣчества. Перечестъ нельзя преступленій, совершаемыхъ ими. Но всѣ эти преступленія ничто въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ матеріализма, которое они вносятъ въ міръ, особенно черезъ женщинъ.

Ужъ не говорю про то, что если только слѣдовать ихъ указаніямъ, то благодаря заразамъ вездѣ, во всемъ, людямъ надо не идти къ единенію, а къ разъединенію; всѣмъ надо по ихъ ученію сидѣть врозь и не выпускать изъ рта спринцовки съ карболовой кислотой (выпробовъ открыли, что и она не годится). Но и это ничего. Ядъ главный въ развращеніи людей, женщинъ въ особенности.

Ныче ужъ нельзя сказать: «ты живешь дурно, живи лучше», нельзя этого сказать ни себѣ, ни другому. А если дурно живешь, то причина въ ненормальности нервныхъ отправленияхъ или т. п. И надо пойти къ нимъ, и они проищутъ на 35 к., въ аптекахъ лѣкарства и вы принимайте!

Вы сдѣлаетесь еще хуже, тогда еще лѣкарства и еще доктора. Отличная штука!

Но и не въ этомъ дѣло. Я только говорю про то, что она прекрасно сама кормила дѣтей, и что это ношеніе и кормленіе дѣтей одно спасало меня отъ мукъ ревности. Если бы не это, все случилось бы раньше. Дѣти спасали меня и ее. Въ восемь лѣтъ у ней родилось пять человѣкъ дѣтей. И всѣхъ, кромѣ перваго, она кормила сама.

— Гдѣ же они теперь, ваши дѣти? — спросилъ я.

— Дѣти? — испуганно переспросилъ онъ.

— Извините меня, можетъ быть вамъ тяжело вспоминать?

— Нѣтъ, ничего. Дѣтей моихъ взяла моя свояченица и ея братъ. они не дали ихъ мнѣ. Я имъ отдалъ состояніе, а ихъ они мнѣ не дали. Вѣдь я въ родѣ сумасшедшаго. Я теперь ѣду отъ нихъ. Я видѣлъ ихъ, но мнѣ ихъ не дадутъ. А то я воспитую ихъ такъ, что они не будутъ такими, какъ ихъ родители. А надо, чтобъ были такіе же. Ну, да что дѣлать! Понятно, что мнѣ ихъ не дадутъ и не повѣрятъ. Да я и не знаю, былъ ли бы я въ силахъ воспитать ихъ. Я думаю—нѣтъ. Я—развалина, ка-

лѣка. Одно во мнѣ есть. Я знаю. Да, это вѣрно, что я знаю то, что всѣ не скоро еще узнаютъ.

Да, дѣти живы и растутъ такими же дикарями, какъ и всѣ вокругъ нихъ. Я видѣлъ ихъ, три раза видѣлъ. Ничего я не могу для нихъ сдѣлать. Ничего. Ёду къ себѣ теперь на югъ. У меня тамъ домикъ и садикъ.

Да, не скоро еще люди узнаютъ то, что я знаю. Много ли желѣза и какіе металлы въ солнцѣ и звѣздахъ — это скоро узнать можно; а вотъ то, что обличаетъ наше свинство — это трудно, ужасно трудно!

Вы хоть слушаете, я и то благодаренъ.

XVI.

— Вотъ вы напомнили про дѣтей. Опять какое страшное лганье идетъ про дѣтей. Дѣти—благословеніе Божіе, дѣти—радость. Вѣдь это все ложь. Все это было когда-то, но теперь ничего подобнаго нѣтъ. Дѣти мученье и больше ничего. Большинство матерей такъ прямо и чувствуютъ и иногда нечаянно,

прямо такъ и говорятъ это. Спросите у большинства матерей нашего круга достаточныхъ людей, онѣ вамъ скажутъ, что отъ страха того, что дѣти ихъ могутъ болѣть и умирать, онѣ не хотятъ имѣть дѣтей, не хотятъ кормить, если уже родили, для того, чтобы не привязаться и не страдать. Наслажденіе, которое доставляетъ имъ ребенокъ прелестью его, этихъ ручекъ, ножекъ, тѣльца всего, удовольствіе, доставляемое ребенкомъ, меньше страданья, которое онѣ испытываютъ—не говоря уже отъ болѣзни или потери ребенка, но отъ одного страха за возможность болѣзни и смерти. Взвѣсивъ выгоды и невыгоды, оказывается, что не выгодно, и потому не желательно имѣть дѣтей. Онѣ это прямо, смѣло говорятъ воображая, что эти чувства происходятъ въ нихъ отъ любви къ дѣтямъ, чувства хорошаго и похвальнаго, которымъ онѣ гордятся. Онѣ не замѣчаютъ того, что этимъ разсужденіемъ онѣ прямо отрицаютъ любовь, а утверждаютъ только свой эгоизмъ. Для нихъ меньше удовольствія отъ прелести ребенка, чѣмъ страданій отъ страха за него, и потому не надо того ребенка, котораго они будутъ любить. Онѣ жертвуютъ не собою для любимаго существа, а имѣющимъ быть любимымъ существомъ для себя.

Ясно, что это не любовь, а эгоизмъ. Но и остудить ихъ, матерей достаточныхъ семей за этотъ эгоизмъ — не поднимается рука, когда вспомнишь все то, что онѣ перемучаются отъ здоровья дѣтей, благодаря опять тѣмъ же докторамъ, въ нашей господской жизни. Какъ вспомню только, даже теперь,

жизнь и состояніе жены въ первое время, когда было трое, четверо дѣтей, и она вся была поглощена ими—ужасъ беретъ! Жизни нашей не было совсѣмъ. Это была какая-то вѣчная опасность, спасенье отъ нея, вновь наступившая опасность, вновь отчаянныя усилія и вновь спасенье—постоянно такое положеніе, какъ на гибнущемъ кораблѣ. Иногда мнѣ казалось, что это нарочно дѣлалось, что она прикидывалась безпокоющейся о дѣтяхъ для того, чтобы побѣдить меня. Такъ это заманчиво, просто разрѣшало въ ея пользу всѣ вопросы. Мнѣ казалось иногда, что все, что она въ этихъ случаяхъ дѣлала и говорила—нарочно. Но нѣтъ, она сама страшно мучилась и казнилась постоянно съ дѣтьми, съ ихъ здоровьемъ и болѣзнями. Это была попытка для нея и для меня тоже. И нельзя ей было не мучиться. Вѣдь влеченіе къ дѣтямъ, животная потребность кормить, лелѣять, защищать ихъ—была, какъ она и есть у большинства женщинъ, но не было того, что есть у животныхъ — отсутствіе воображенія и разсудка. Курица не боится того, что можетъ случиться съ ея цыплѣнкомъ, не знаетъ всѣхъ тѣхъ болѣзней, которыя могутъ постигнуть его, не знаетъ всѣхъ тѣхъ средствъ, которыми люди воображаютъ, что они могутъ спасать отъ болѣзней и смерти. И дѣти для нея, для курицы не мученье. Она дѣлаетъ для своихъ цыплятъ то, что ей свойственно и радостно дѣлать; дѣти для нея радость. Когда цыплѣнокъ начинаетъ болѣть, ея заботы очень опредѣленныя; она грѣетъ, кормитъ его. И

дѣлая это, знаетъ, что она дѣлаетъ все, что нужно. Издохнетъ цыплёнокъ, она не спрашиваетъ себя, зачѣмъ онъ умеръ, куда онъ ушелъ, поквохчетъ, потомъ перестанетъ, и продолжаетъ жить по прежнему. Но для нашихъ несчастныхъ женщинъ и для моей жены было не то. Ужъ не говоря о болѣзняхъ, какъ лѣчить, о томъ, какъ воспитывать, растить, она со всѣхъ сторонъ слышала и читала безконечно разнообразныя и постоянно смѣняющіяся правила. Кормить такъ, тѣмъ; нѣтъ, не такъ, не тѣмъ. а вотъ этакъ; одѣвать, поить, купать, класть спать, гулять, воздухъ, — на все это мы, она преимущественно, узнавала всякую недѣлю новыя правила. Точно со вчерашняго дня начали рожать дѣтей. А не такъ накормили, не такъ искупали, не во время, и заболѣлъ ребенокъ, и оказывается, что виноваты мы, сдѣлали не то, что надо дѣлать.

Это пока здоровье. И то мученье. Но ужъ если заболѣлъ—тогда кончено. Совершенный адъ. Предполагается, что болѣзнь можно лѣчить, и что есть такая наука и такіе люди—доктора, и они знаютъ. Не всѣ, но самые лучшіе знаютъ. И вотъ ребенокъ боленъ и надо попасть на этого, самаго лучшаго, того, который спасаетъ, и тогда ребенокъ спасенъ; а не захватишь этого доктора или живешь не въ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ этотъ докторъ—и ребенокъ погибъ. И это не ея исключительная вѣра, а это вѣра всѣхъ женщинъ ея круга, и со всѣхъ сторонъ она слышитъ только это: у Екатерины Семеновны умерло двое, потому что не позвали во время Ивана

Захарыча, а у Марьи Ивановны, Иванъ Захарычъ спасъ старшую дѣвочку; а вотъ у Петровыхъ, во время, по совѣту доктора, разѣхались по гостиницамъ и остались живы, а не разѣхались — и померли дѣти. А у той былъ слабый ребенокъ, переѣхали по совѣту доктора на югъ и спасли ребенка. Какъ же тутъ не мучиться и не волноваться всю жизнь, когда жизнь дѣтей, къ которымъ она животнo привязана, зависить отъ того, что она во время узнаетъ то, что скажетъ объ этомъ Иванъ Захарычъ. А что скажетъ Иванъ Захарычъ, никто не знаетъ, менѣе всего онъ самъ, потому что онъ очень хорошо знаетъ, что онъ ничего не знаетъ и ничему помочь не можетъ, о самъ только виляетъ какъ попало, чтобы только не перестали вѣрить, что онъ что-то знаетъ. Вѣдь если бы она была совсѣмъ животное, она такъ бы не мучилась; если же бы она была совсѣмъ человѣкъ, то у ней была бы вѣра въ Бога, и она бы говорила и думала, какъ говорятъ вѣрующіе: «Богъ далъ, Богъ и взялъ, отъ Бога не уйдешь».

Вся жизнь съ дѣтьми и была для жены, а потому и для меня, не радость, а мука. Какъ же не мучиться? Она и мучилась постоянно. Бывало, только что успокоимся отъ какой нибудь сцены ревности или просто ссоры и думаемъ пожить, почитать и подумать; только возьмешься за какое нибудь дѣло, вдругъ получается извѣстіе, что Васю рветъ или Маша сходила съ кровью, или у Андрюши сынъ, ну и конечно, жизни ужъ нѣтъ. Куда

скакать, за какими докторами, куда отдѣлать? И начинаются клистиры, температуры, микстуры и доктора. Не успѣетъ это кончиться, какъ начинается что нибудь другое. Правильной, твердой семейной жизни не было. А было, какъ я вамъ говорилъ, постоянное спасеніе отъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ опасностей. Такъ вѣдь это теперь въ большинствѣ семей. Въ моей же семьѣ было особенно рѣзко. Жена была чадолюбива и легковѣрна.

Такъ, что присутствіе дѣтей не только не улучшало нашей жизни, но отравляло ее. Кромѣ того дѣти—это былъ для насъ новый поводъ къ раздору. Съ тѣхъ поръ, какъ были дѣти и чѣмъ больше они росли, тѣмъ чаще, именно сами дѣти, были и средствомъ и предметомъ раздора. Не только предметомъ раздора, но дѣти были орудіемъ борьбы, мы какъ будто дрались другъ съ другомъ,—дѣтьми. У каждаго изъ насъ былъ свой любимый ребенокъ—орудіе драки. Я дрался больше Васей, старшимъ, а она Лизой. Кромѣ того, когда дѣти стали подростать и опредѣлились ихъ характеры, сдѣлалось то, что они стали союзниками, которыхъ мы привлекли каждый на свою сторону. Они страшно страдали отъ этого, бѣдняжки, но намъ, въ нашей постоянной войнѣ, не до того было, чтобы думать о нихъ. Дѣвочка была моя сторонница, мальчикъ же старшій, похожіи на нее, ея любимецъ, часто былъ ненавистенъ мнѣ.

XVII.

— Ну-съ, такъ и жили. Отношенія становились все враждебнѣе и враждебнѣе. И наконецъ дошли до того, что ужъ не разногласіе производило враждебность, но враждебность производила разногласіе: что бы она ни сказала, я уже впередъ былъ несогласенъ, и точно такъ же и она.

На 4-й годъ съ обѣихъ сторонъ рѣшено было какъ-то само собой, что понять другъ друга, согласиться другъ съ другомъ мы не можемъ. Мы перестали уже пытаться договориться до конца. О самыхъ простыхъ вещахъ, въ особенности о дѣтяхъ, мы оставались неизмѣнно каждый при своемъ мнѣніи. Какъ я теперь вспоминаю, мнѣнія, которыя я отстаивалъ, были вовсе мнѣ не такъ дороги, чтобы я не могъ поступиться ими; но она была противнаго мнѣнія, и уступить, значило уступить ей. Она тоже. Она считала себя всегда, вѣроятно, совершенно правою передо мною, а ужъ я для себя былъ всегда святъ передъ нею въ своихъ глазахъ. Вдвоемъ мы были почти обречены на молчаніе

или на такіе разговоры, которые, я увѣренъ, животныя могутъ вести между собою: «какой часъ? пора спать. Какой нынче обѣдъ? Куда ѣхать? Что написано въ газетѣ? Послать за докторомъ. Горло болитъ у Маши». Стоило на волосокъ выступить изъ этого, до невозможно съужившагося кружка разговоровъ, чтобы вспыхнуло раздраженіе. Выходили стычки и выраженіе ненависти за кофе, сахаръ, пролетку, за ходъ въ винтъ, все дѣла, которыя ни для того, ни для другого не могли имѣть никакой важности. Во мнѣ, по крайней мѣрѣ, ненависть къ ней часто кипѣла страшная! Я смотрѣлъ иногда, какъ она наливала чай, махала ногой или подносила ложку ко рту, шлюпала, втягивала въ себя жидкость и ненавидѣлъ ее именно за это, какъ за самый дурной поступокъ. Я не замѣчалъ тогда, что періоды злобы возникали во мнѣ совершенно правильно и равномерно, соотвѣтственно періодамъ того, что мы называли любовью. Періодъ любви, періодъ злобы; энергическій періодъ любви, — длинный періодъ злобы, болѣе слабое проявленіе любви, — короткий періодъ злобы. Тогда мы не понимали, что эта любовь и злоба были то же самое животное чувство, только съ разныхъ концовъ. Жить такъ было бы ужасно, если бы мы понимали свое положеніе; но мы не понимали и не видали его. Въ этомъ и спасенье, и казнь человѣка, что когда онъ живетъ неправильно, онъ можетъ себя затуманивать, чтобы не видать бѣдственности своего положенія. Такъ дѣлали и мы. Она старалась

забыться напряженными, всегда поспѣшными занятиями хозяйствомъ, обстановкой, нарядами своими и дѣтей, ученіемъ, здоровьемъ дѣтей. У меня же было свое: пьянство, служба, охота, карты. Мы оба постоянно были заняты. Мы оба чувствовали, что чѣмъ больше мы заняты, тѣмъ злѣе мы можемъ быть другъ къ другу. «Тебѣ хорошо гримасничать», думалъ я на нее, — «а ты вотъ меня промучила сценами всю ночь, а у меня засѣданье». «Тебѣ хорошо», не только думала, но и говорила она, «а я всю ночь не спала съ ребенкомъ». Эти новыя теоріи гипнотизма, душевныхъ болѣзней, истеричности — все это не простая, но вредная, глупость. Про жену мою Шарко непременно сказалъ бы, что она была истерична, а про меня скасалъ бы, что я ненормаленъ и, пожалуй, сталъ бы лѣчить. А лѣчить тутъ нечего было.

Такъ мы и жили, въ постоянномъ туманѣ, не видя того положенія, въ которомъ мы находились. И если бы не случилось того, что случилось, и я такъ же бы прожилъ еще до старости, я такъ бы и думалъ, умирая, что я прожилъ хорошую жизнь, не особенно хорошую, но и не дурную, такую, какъ всѣ; я бы не понималъ той бездны несчастья и той гнусной лжи, въ которой я барахтался.

А мы были два ненавидящихъ другъ друга колодника, связанныхъ одной цѣпью, отравляющіе жизнь другъ друга, и старающіеся не видать этого. Я еще не зналъ тогда, что 0,99 супружествъ живутъ въ такомъ же аду, какъ и я жилъ, и что

это не можетъ быть иначе. Тогда я еще не зналъ этого ни про другихъ, ни про себя.

«Удивительно, какія совпаденія и въ правильной и даже неправильной жизни! Какъ разъ когда родителямъ жизнь становится невыносимой другъ отъ друга, необходимы дѣлаются и городскія условія для воспитыванія дѣтей. И вотъ является потребность переѣзда въ городъ».

Онъ замолчалъ и раза два издалъ свои странные звуки, которые теперь уже совсѣмъ похожи были на сдержанные рыданія. Мы подходили къ станціи.

— Который часъ?—спросилъ онъ.

И взглянулъ, было два часа.

— Вы не устали?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но *вы* устали?

— Меня душитъ. Позвольте, я пройдуся, вышью воды.

И онъ, шатаясь, пошелъ черезъ вагонъ. Я сидѣлъ одинъ, перебирая все, что онъ сказалъ мнѣ, и такъ задумался, что и не замѣтилъ, какъ онъ вернулся изъ другой двери.

XVIII.

— Да, я все увлекаюсь,—началъ онъ.— Много я передумалъ. На многое я смотрю по иному и все это хочется сказать. Ну, и стали жить въ городѣ. Въ городѣ человѣкъ можетъ прожить сто лѣтъ и не хватиться того, что онъ давно умеръ и сгинулъ. Разбираться съ самимъ собой некогда, все занято. Дѣла, общественныя отношенія, здоровье, искусства, здоровье дѣтей, ихъ воспитанье. То надо принимать тѣхъ и этихъ; ѣхать къ тѣмъ и этимъ; то надо посмотреть эту, послушать этого или эту. Въдѣ въ городѣ во всякій данный моментъ есть одна, а то и двѣ, три знаменитости, которыя нельзя никакъ пропустить. То надо лѣчить себя, того или этого, то учителя, репетиторы, гувернантки, а жизнь пустымъ пустешенька. Ну такъ мы и жили, и меньше чувствовали боль отъ сожитія. Кромѣ того, первое время было чудесное занятіе—устройство въ новомъ городѣ, на новой квартирѣ, и еще

занятіе—переездовъ изъ города въ деревню, и изъ деревни въ городъ.

Прожили одну зиму, и въ другую зиму случилось еще слѣдующее, никому, незамѣтное, кажущееся ничтожнымъ обстоятельствомъ, но такое, которое и произвело все то, что произошло.

Она была нездорова, и доктора не велѣли ей рожать и научили средству. Миѣ это было отвратительно. Я боролся противъ этого, но она съ легкомысленнымъ упорствомъ настояла на своемъ, и я покорился; послѣднее оправданіе свиной жизни—дѣти, было отнято, и жизнь стала еще гаже.

Мужику, работнику, дѣти нужны, хотя и трудно ему выкормить, но они ему нужны, и потому его супружескія отношенія имѣютъ оправданіе. Намъ же, людямъ, имѣющимъ дѣтей, еще дѣти не нужны, они — лишняя забота, расходъ, сонаслѣдники, они тягость. И оправданій свиной жизни для насъ нѣтъ никакихъ. Или мы искусственно избавляемся отъ дѣтей, или смотримъ на дѣтей, какъ на несчастье, послѣдствіе неосторожности, что еще гаже.

Оправданій нѣтъ. Но мы такъ нравственно пали, что мы даже не видимъ надобности въ оправданіи.

Большинство теперешняго образованнаго міра предается этому разврату безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Нечему угрызать, потому что совѣсти въ нашемъ быту нѣтъ никакой, кромѣ, если можно такъ назвать, совѣсть общественнаго мнѣнія и уголовнаго

закона. А тутъ и та и другая не нарушаются: совѣститься передъ обществомъ нечего, всѣ это дѣлають: и Марья Павловна, и Иванъ Захарычъ. А то чтожъ разводить нищихъ или лишить себя возможности общественной жизни. Совѣститься передъ уголовнымъ закономъ или бояться его, тоже нечего. Это безобразныя дѣвки и солдатики бросаютъ дѣтей въ пруды и колодцы, тѣхъ, понятно, надо сажать въ тюрьму, а у насъ все дѣлается своевременно и чисто.

Такъ прожили мы еще два года. Средство мерзавцевъ-докторовъ очевидно начинало дѣйствовать; она физически раздобрѣла и похорошѣла, какъ послѣдняя красота лѣта. Она чувствовала это и занималась собой. Въ ней сдѣлалась какая-то вызывающая красота, беспокоящая людей. Она была во всей силѣ 30-ти лѣтней не рожающей, раскормленной и раздраженной женщины. Видъ ея наводилъ беспокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала къ себѣ ихъ взгляды. Она была какъ застоявшаяся, раскормленная, запряженная лошадь, съ которой сняли узду. Узды не было никакой, какъ у 0,99 нашихъ женщинъ. И я чувствовалъ это — и мнѣ было страшно.

XIX.

Онъ вдругъ приподнялся и пересѣлъ къ самому окну.

— Извините меня,—проговорилъ онъ, и устремивъ глаза въ окно, молча просидѣлъ такъ минуты три. Потомъ онъ тяжело вздохнулъ и опять сѣлъ противъ меня. Лицо его стало совсѣмъ другое, глаза жалкіе, и какая-то странная, почти улыбка морщила его губы.—Я усталъ немножко, но я расскажу. Еще времени много, не разсвѣтало еще. Да-съ, — началъ онъ опять, закуривъ папирску. — Она пополнила съ тѣхъ поръ, какъ перестала рожать, и болѣзнь эта—страданіе вѣчное о дѣтяхъ—стала проходить; не то, что проходить, но она какъ будто очнулась отъ пьянства, опомнилась и увидала, что есть цѣлый міръ Божій съ его радостями, про которыя она забыла, но въ которомъ она жить не умѣла, міръ Божій, котораго она совсѣмъ не понимала. «Какъ бы не пропустить! Уйдетъ время, не воротишь!» Такъ мнѣ представляется, что она думала или скорѣе чувствовала, да и нельзя ей

было думать и чувствовать иначе: её воспитали въ томъ, что есть въ мірѣ только одно достойное вниманія—любовь. Она вышла замужъ, получила кое-что изъ этой любви, но не только далеко не то, что общалось, что ожидалось, но и много разочарований, страданій. и тутъ-же, неожиданную муку — столько дѣтей! Мука эта истомила её. И вотъ благодаря услужливымъ докторомъ, она узнала, что можно обойтись и безъ дѣтей. Она обрадовалась, испытала это и ожила для одного того, что она знала — для любви. Но любовь съ огаженнымъ и ревностью и всякой злостью мужемъ была уже не та. Ей стала представляться какая-то другая, чистенькая, новенькая любовь, по крайней мѣрѣ я такъ думалъ про неё. И вотъ она стала оглядываться, какъ будто ожидая чего-то. Я видѣлъ это, и не могъ не тревожиться. Силошь да рядомъ стало случаться то, что она, какъ и всегда, разговаривая со мной черезъ посредство другихъ, т. е. говоря съ посторонними, но обращая рѣчь ко мнѣ, выражая смѣло, совсѣмъ не думая о томъ, что она часъ тому назадъ говорила противоположное, и выражала полусерьезно, что материнская забота—это обманъ, что не стоитъ того отдавать свою жизнь дѣтямъ, что есть молодость и можно насладиться жизнью. Она занималась дѣтьми меньше, не съ такимъ отчаяніемъ, какъ прежде, но больше и больше занималась, своей наружностью, хоть она и скрывала это, и своими удовольствіями и даже усовершенствованіемъ себя. Она опять съ увлеченіемъ взялась

за фортепіано, которое прежде было совершенно брошено. Съ этого все и началось.

Онъ опять повернулся къ окну устало смотрѣвшими глазами, но тотчасъ же опять видимо сдѣлавъ надъ собою усиліе, продолжалъ:

— Да-съ, явился этотъ человѣкъ.—Онъ замылся и раза два произвелъ носомъ своимъ особенные звуки.

И видѣлъ, что ему мучительно было называть этого человѣка, вспоминать, говорить о немъ. Но онъ сдѣлалъ усиліе и, какъ будто порвавъ то препятствіе, которое мѣшало ему, рѣшительно продолжалъ:

— Дрянной онъ былъ человѣкъ. На мои глаза, на мою оцѣнку. И не потому, какое онъ значеніе получилъ въ моей жизни, а потому, что онъ дѣйствительно былъ такой. Впрочемъ то, что онъ былъ плохъ, служило только доказательствомъ того, какъ невмѣняема была она. Не онъ, такъ другой, это должно было быть.—Онъ опять замолчалъ.—Да-съ, это былъ музыкантъ, скрипачъ; не профессиональный музыкантъ, а полу-профессиональный, полупубличный человѣкъ.

Отецъ его помѣщикъ, сосѣдъ моего отца. Его отецъ разорился и дѣти, три было мальчика, всѣ устроились; одинъ только меньшей этотъ отданъ былъ къ своей крестной матери, въ Парижъ. Тамъ его отдали въ консерваторію, потому что былъ талантъ къ музыкѣ, и онъ вышелъ оттуда скрипачемъ и игралъ въ концертахъ. Человѣкъ онъ былъ.. —

Очевидно, желая сказать что-то дурное про него, онъ воздержался и быстро сказалъ:—Ну, ужъ тамъ я не знаю, какъ онъ жилъ, знаю только, что въ этотъ годъ онъ явился въ Россію и явился ко мнѣ.

Миндалевидные влажные глаза, красныя, улыбающіяся губы, нафиксатуаренные усики, прическа послѣдняя, модная, лицо пошло-хорошенькое, то, что женщины называютъ не дуренъ, сложенія слабаго, хотя и не уродливаго, съ особенно развитымъ задомъ, какъ у женщины, какъ у гогентотовъ говорятъ. Они, говорятъ, тоже музыкальны. Лѣзущій въ фамиллярность, насколько возможно, но чуткій и всегда готовый остановиться при малѣйшемъ отпорѣ, съ соблюденіемъ внѣшняго достоинства и съ тѣмъ особеннымъ парижскимъ оттѣнкомъ ботинокъ съ пуговками и яркихъ цвѣтовъ галстукѣ и другого, что усваиваютъ себѣ иностранцы въ Парижѣ, и что по своей особенностн новизны всегда дѣйствуетъ на женщинъ. Въ манерахъ дѣланная внѣшняя веселость. Манера, знаете, про все говоритъ намеками и отрывками, какъ будто вы все это знаете, помните и можете сами дополнить.

Вотъ онъ-то съ своей музыкой былъ причиною всего. Вѣдь на судѣ было представлено дѣло такъ, что все случилось изъ ревности. Ничуть не бывало, т. е. не то, что ничуть не бывало, а то, да не то. На судѣ такъ и рѣшено было, что я обманутый мужъ, и что я убилъ, защищая свою по-

руганную честь, (такъ вѣдь это называютъ по ихнему). И отъ этого меня оправдали. Я на судѣ старался выяснитъ смыслъ, но они понимали такъ, что я хочу реабилитировать честь жены.

Отношенія ея съ этимъ музыкантомъ, какія бы они ни были, для меня это не имѣетъ смысла, да и для нея тоже. Имѣетъ же смыслъ то, что я вамъ рассказалъ, т. е. мое свинство. Все произошло отъ того, что между нами была та страшная пучина, о которой я вамъ говорилъ, то страшное напряженіе взаимной ненависти другъ на друга, при которой перваго повода было достаточно для произведенія кризиса. Ссоры между нами становились послѣднее время чѣмъ то страшнымъ, и были особенно поразительны, смѣняясь тоже напряженной животной страстностью.

Если бы явился не онъ, то другой бы явился. Если бы не предлогъ ревности, то другой. Я настаиваю на томъ, что всѣ мужья, живущіе такъ, какъ я жилъ, должны или распутничать или разойтись; или убить самихъ себя или своихъ женъ, какъ я сдѣлалъ. Если съ кѣмъ этого не случилось, то это особенно рѣдкое исключеніе. Я вѣдь прежде чѣмъ кончить, какъ я кончилъ, былъ нѣсколько разъ на краю самоубійства, а она тоже отравлялась.

XX.

— Да, это такъ было и недолго передъ тѣмъ.

Жили мы какъ будто въ перемирьи, и нѣтъ никакихъ причинъ нарушать его, вдругъ начинается разговоръ о томъ, что такая-то собака на выставкѣ получила медаль, говорю я. Она говоритъ: не медаль, а похвальный отзывъ. Начинается споръ. Начинается перепрыгиванье съ одного предмета на другой, попреки: «ну, да это давно извѣстно, всегда такъ». «Ты сказалъ...» «нѣтъ, я не говорилъ», «стало быть я лгу!..» Чувствуется, что вотъ, вотъ начнется та страшная ссора, при которой хочется себя или ее убить. Знаешь, что сейчасъ начнется и боишься этого, какъ огня, и потому хотѣлъ бы удержаться, но злоба охватываетъ все твое существо. Она въ томъ же, еще худшемъ положеніи, нарочно перетолковываетъ всякое твое слово, придавая ему ложное значеніе; каждое же ея слово пропитано ядомъ; гдѣ только она знаетъ, что мнѣ больнѣе всего, туда то она и колетъ. Дальше, больше. Я кричу: молчи! или что-то въ этомъ родѣ.

Она выскакиваетъ изъ комнаты, бѣжитъ въ дѣтскую. Я стараюсь удержать ее, чтобы договорить и доказать, и схватываю ее за руку. Она прикидывается, что я сдѣлалъ ей больно, и кричитъ: «дѣти, вашъ отецъ бьетъ меня!» Я кричу: «не лги!»—«Вѣдь это ужъ не въ первый разъ!» кричитъ она, или что нибудь подобное. Дѣти бросаются къ ней, Она успокоиваетъ ихъ. Я говорю: «не притворяйся!» Она говоритъ: «для тебя все притворство; ты убьешь человѣка и будешь говорить, что онъ притворяется. Теперь я поняла тебя. Ты этого-то и хочешь!»—«О, хоть бы ты издохла!» кричу я. Помню, какъ ужаснули меня эти страшныя слова. Я никакъ не ожидалъ, чтобы я могъ сказать такія страшныя слова, грубыя слова, и удивляюсь тому, что они выскочили у меня. Я кричу эти страшныя слова и убѣгаю въ кабинетъ, сажусь и курю. Слышу, что она выходитъ въ переднюю и собирается уѣзжать. Я спрашиваю: куда? Она не отвѣчаетъ. «Ну, и чортъ съ ней», говорю я себѣ, возвращаясь въ кабинетъ, опять ложусь и курю. Тысяча разныхъ плановъ о томъ, какъ отмстить ей и избавиться отъ нея и какъ поправить все это и сдѣлать такъ, какъ будто бы ничего не было, приходятъ мнѣ въ голову. Я все это думаю, и курю, курю, курю. Думаю убѣжать отъ нея, скрыться, уѣхать въ Америку. Дохожу до того, что мечтаю о томъ, какъ я избавлюсь отъ нея и какъ это будетъ прекрасно, какъ сойду съ другой прекрасной женщиной, совсѣмъ новой. Избавлюсь

тѣмъ, что она умретъ или тѣмъ, что разведусь, и придумываю, какъ это сдѣлать. Вижу, что я путаюсь, что я не то думаю, что нужно, но и для этого, чтобы не видѣть, что я не то думаю, что нужно для этого, то курю.

А жизнь дома идетъ. Приходитъ гувернантка, спрашиваетъ: «гдѣ madame? Когда вернется?» Лакей спрашиваетъ: подавать ли чай? Прихожу въ столовую; дѣти, въ особенности старшія, Лиза, которая ужъ понимаетъ, вопросительно и неодобрительно смотрятъ на меня. Пьемъ молча чай. Ея все нѣтъ. Проходитъ весь вечеръ, ея нѣтъ, и два чувства мѣняются въ душѣ: злоба къ ней за то, что она мучаетъ меня и всѣхъ дѣтей своимъ отсутствіемъ, которое кончится же тѣмъ, что она пріѣдетъ, и страхъ того, что она не пріѣдетъ и что нибудъ сдѣлаетъ надъ собой. Я бы поѣхалъ за ней. Но гдѣ искать ее? У сестры? Но это глупо пріѣхать спрашивать. Да и Богъ съ ней, если она хочетъ мучить, пускай сама мучается. А то вѣдь она этого и ждетъ. И въ слѣдующій разъ будетъ еще хуже. А что какъ она не у сестры, а что нибудъ дѣлаетъ или уже сдѣлала надъ собой?... Одинадцатый, двѣнадцатый часъ! Я не иду въ спальню, глупо одному тамъ лежать и ждать, а тутъ же ложусь. Хочу чѣмъ нибудъ, заняться, написать письмо, читать; но ничего не могу. Сажу одинъ въ кабинетъ, мучаюсь, злюсь и прислушиваюсь. Три, четыре часа—ея нѣтъ. Къ утру засыпаю. Просыпаюсь—ея нѣтъ.

Все въ домѣ идетъ по старому, но всѣ въ недо-

умѣннѣи и всѣ вопросительно и укоризненно смотря на меня, предполагая, что все это отъ меня. А во мнѣ все та же борьба—злости за то, что она меня мучаетъ и безпокойство за нее.

Около 11-ти утра прѣзжаетъ ея сестра отъ нея посломъ. И начинается обычное: «Она въ ужасномъ положеніи. Ну что же это! Да вѣдь ничего не случилось.» Я говорю про невозможность ея характера и говорю, что я ничего не сдѣлалъ.

— Да вѣдь, не можетъ же это такъ оставаться?—говорить сестра.

— Все ея дѣло, а не мое,—говорю я.—Я перваго шага не сдѣлаю. Разойтись, такъ разойтись.

Свояченица уѣзжаетъ ни съ чѣмъ. Я смѣло сказалъ, что не сдѣлаю перваго шага, но какъ она уѣхала и я вышелъ и увидѣлъ дѣтей жалкихъ, испуганныхъ, я уже готовъ былъ дѣлать первый шагъ. И радъ бы его сдѣлать, но не знаю, какъ. Опять хожу, курю, выпиваю за завтракомъ водки и вина, и достаточно того, чего безсознательно желаю: не вижу глупости, подлости своего положенія.

Около 3-хъ прѣзжаетъ она. Встрѣчая меня, она ничего не говоритъ. Я воображаю, что она смирились, начинаю говорить о томъ, что я былъ вызванъ ея укоризнами. Она съ тѣмъ же строгимъ и страшно измученнымъ лицомъ говоритъ, что она прѣехала не объясняться, а взять дѣтей, что жить вмѣстѣ мы не можемъ. Я начинаю говорить, что виноватъ не я, что она вывела меня изъ себя. Она строго, торжественно смотритъ на меня и потомъ гово-

рить: «не говори больше, ты расквешься.» Я говорю, что терпѣть не могу комедіи. Тогда она вскрикиваетъ что-то, чего я не разбираю и убѣгаетъ въ свою комнату. И за ней звенитъ ключъ: она заперлась. Я толкаюсь, нѣтъ отвѣта, и я съ злостью отхожу. Черезъ полчаса Лиза прибѣгаетъ въ слезахъ.— «Что? что нибудь случилось»?—Мамы не слышно,— Идемъ. Я дергаю изъ всѣхъ силъ дверь. Задвижка плохо задвинута, и обѣ половинки отворяются. Я подхожу къ кровати. Она въ юбкахъ и высокихъ ботинкахъ лежитъ неловко на кровати. На столѣ пустая склянка съ опиумомъ. Приводимъ въ чувство. Слезы, и наконецъ примиреніе. Не примиреніе: въ душѣ у каждаго та же старая злоба другъ противъ друга съ прибавкой еще раздраженія за ту боль, которая сдѣлана этой ссорой, и которую всю каждый ставитъ на счетъ другого. Но надо же какъ нибудь кончить все это, и жизнь идетъ по старому. Такъ, такія же ссоры и хуже бывали безпрестанно, то разъ въ недѣлю, то разъ въ мѣсяцъ, то каждый день. И все одно и тоже. Одинъ разъ я уже взялъ заграничный паспортъ—ссора продолжалась два дня. Но потомъ опять полуобъясненіе, полупримиреніе—и я остался.

XXI.

— Такъ вотъ въ такихъ-то мы были отношеніяхъ, когда явился этотъ человѣкъ. Пріѣхалъ въ Москву тотъ человѣкъ—фамилія его Трухачевскій,—и явился ко мнѣ. Это было утромъ. Я принялъ его. Были мы когда то на ты. Онъ попытался серединными фразами между ты и вы удержаться на ты, но я прямо далъ тонъ на вы, и онъ тотчасъ же подчинился. Онъ мнѣ очень не понравился съ перваго взгляда. Но, странное дѣло, какая то странная, роковая сила влекла меня къ тому, чтобы не оттолкнуть его, не удалить, а напротивъ приблизить. Вѣдь что могло быть проще того, чтобы поговорить съ нимъ холодно, проститься не знакомя съ женой, Но нѣтъ, я какъ нарочно заговорилъ объ его игрѣ, сказалъ, что мнѣ говорили, что онъ бросилъ скрипку. Онъ сказалъ, что напротивъ, онъ играетъ теперь больше прежняго. Онъ сталъ вспоминать о томъ что я игралъ прежде. Я сказалъ, что не играю

больше, но что жена моя хорошо играет. Удивительное дѣло! Мои отношенія къ нему въ первый день, въ первый часъ моего свиданья съ нимъ были такія, какія, они могли быть только послѣ всего, что случилось. Что-то было напряженное въ моихъ отношеніяхъ съ нимъ: я замѣчалъ всякое слово, выраженіяхъ съ нимъ: я замѣчалъ всякое слово, въ выраженіе, сказанное или мною и приписывалъ имъ важность.

Я представилъ его женѣ. Тотчасъ-же зашелъ разговоръ о музыкѣ, и онъ предложилъ свои услуги играть съ ней. Жена, какъ и всегда это послѣднее время, была очень элегантна и заманчива, безпокоюще красива. Онъ, видимо, понравился ей съ перваго взгляда. Кромѣ того, она обрадовалась тому, что будетъ имѣть удовольствіе играть со скрипкой, что она очень любила, такъ, что занимала для этого скрипача изъ театра, и на лицѣ ея выразилась эта радость. Но, увидавъ меня, она тотчасъ же поняла мое чувство и измѣнила свое выраженіе, и началась эта игра взаимнаго обманыванья. Я пріятно улыбался, дѣлая видъ, что мнѣ очень пріятно. Онъ, глядя на жену такъ, какъ смотрятъ всѣ безнравственные люди на красивыхъ женщинъ, дѣлалъ видъ, что его интересуеть только предметъ разговора, именно то, что уже совсѣмъ не интересовало его. Она старалась казаться равнодушной, но знакомое ей, мое фальшиво-улыбающееся выраженіе ревнивца и его похотливый взглядъ очевидно возбуждали ее. Я видѣлъ, что съ перваго же

свиданья у ней особенно заблестѣли глаза и вѣроятно вслѣдствіе моеѣ ревности, между нимъ и ей тотчасъ-же установился какъ бы электрическій токъ, вызывающій какъ бы одинаковость выраженія взглядовъ и улыбокъ. Она краснѣла, онъ краснѣлъ. Она улыбалась, онъ улыбался. Поговорили о музыкѣ, о Парижѣ, о всякихъ пустякахъ. Онъ сталъ, чтобъ уѣзжать, и улыбаясь, со шляпой на подрагивающей ляжкѣ стоялъ, глядя то на нее, то на меня, какъ бы ожидая, что мы сдѣлаемъ. Помню я эту минуту именно потому, что въ эту минуту я могъ не позвать его, и тогда ничего бы и не было. Но я взглянулъ на него, на нее. «И не думай, чтобъ я ревновалъ тебя», мысленно сказать я,—«или чтобъ боялся тебя», мысленно сказалъ я ему и пригласилъ его привозить какъ нибудь вечеромъ скрипку, чтобы играть съ женой. Она съ удивленіемъ взглянула на меня, вспыхнула и какъ будто испугавшись, стала отказываться, говорила, что она недостаточно хорошо играетъ. Этотъ отказъ ея еще болѣе раздражилъ меня, и я еще больше настаивалъ. Помню то странное чувство, съ которымъ я смотрѣлъ на его затылокъ, бѣлую шею, отдѣлявшуюся отъ черныхъ, расчесанныхъ на обѣ стороны волосъ, когда онъ своей подпрыгивающей, какой-то птичьей походкой выходилъ отъ насъ. Я не могъ не признаться себя, что присутствіе этого человѣка мучило меня. Отъ меня зависитъ, думалъ я, сдѣлать такъ, чтобы никогда не видать его. Но сдѣлать такъ, значило признаться, что я боюсь его. Нѣтъ, я не боюсь его. Это было бы

слишкомъ унизительно, говорилъ я себѣ. И тутъ же, въ передней, зная, что жена слышитъ меня, я настоялъ на томъ, чтобы онъ нынче же вечеромъ пріѣхалъ со скрипкой. Онъ общалъ мнѣ и уѣхалъ.

Вечеромъ онъ пріѣхалъ со скрипкой, и они играли. Но игра долго не ладилась, не было тѣхъ нотъ, которыя имъ были нужны, а которыя были, жена не могла играть безъ приготовленія. Я очень любилъ музыку и сочувствовалъ ихъ игрѣ, устраивая ему пюпитръ, переворачивая страницы, И кое-что они сыграли; какія-то пѣсни безъ словъ и сонатку Моцарта. Онъ игралъ превосходно: и у него было въ высшей степени то, что называется тономъ. Кромѣ того тонкій, благородный вкусъ, совсѣмъ не свойственный его характеру.

Онъ былъ, разумѣется, гораздо сильнѣе жены и помогалъ ей, и вмѣстѣ съ тѣмъ учтиво хвалилъ ея игру. Онъ держалъ себя очень хорошо. Жена казалась заинтересованной только одной музыкой и была очень проста и естественна. Я же, хотя и притворялся заинтересованнымъ музыкой, весь вечеръ, не переставая, мучился ревностью.

Съ первой минуты, какъ онъ встрѣтился глазами съ женой, я видѣлъ, что звѣрь, сидящій въ нихъ обоихъ, помимо всѣхъ условій положенія и свѣта, спросилъ: «можно?» и отвѣтилъ: «о, да, очень». Я видѣлъ, что онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ моей женѣ, въ московской дамѣ, такую привлекательную женщину и былъ очень радъ этому. Потому что сомнѣнія въ томъ, что она со-

ласна, у него не было никакого. Весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы только не помѣщаль несносный мужъ. Если бы я самъ былъ чистъ, я бы не понималъ этого, но я также, какъ и большинство, думалъ такъ про женщинъ, пока я не былъ женатъ. и потому читалъ въ его душѣ, какъ по писанному. Мучился я особенно тѣмъ, что я видѣлъ несомнѣнно, что ко мнѣ у ней не было другого чувства, кромѣ постоянного раздраженія, только изрѣдка прерываемаго привычной чувственностью, а что этотъ человѣкъ и по всей внѣшней элегантности и новизнѣ, и главное по несомнѣнному большому таланту къ музыкѣ, по сближенію, возникающему изъ совмѣстной игры, по вліянію, производимому на впечатлительныя натуры музыкой, особенно скрипкой, что этотъ человѣкъ долженъ былъ не то, что нравиться, а несомнѣнно, безъ малѣйшаго колебанія долженъ былъ побѣдить, смять, перекрутить ее, свить изъ нея веревку, сдѣлать изъ нея все, что захочетъ. Я этого не могъ не видѣть и я страдалъ ужасно. Но не смотря на то, или можетъ быть, вслѣдствіе этого, какая-то сила противъ моей воли заставляла меня быть особенно не только учтивымъ, но ласковымъ съ нимъ. Для жены ли, для него ли я это дѣлалъ, чтобы показать, что я не боюсь его, для себя-ли, чтобы обмануть самого себя—не знаю, только я не могъ съ первыхъ же сношеній съ нимъ быть простъ. Я долженъ былъ для того, чтобы не отдаться желанію сейчасъ же убить его, ласкать его, я поилъ его за ужиномъ

дорогими винами, восхищался его игрой, съ особенной ласковой улыбкой говорилъ съ нимъ и позвалъ его въ слѣдующее воскресенье обѣдать и еще играть съ женой. Я сказалъ, что позову кое-кого изъ моихъ знакомыхъ, любителей музыки, послушать его. Да такъ и кончилось.

II Позднышевъ въ сильномъ волненіи перемѣнилъ положеніе и издалъ свой особенный звукъ.

— Странное дѣло, какъ дѣйствовало на меня присутствіе этого человѣка, — началъ онъ опять, очевидно дѣлая усиліе для того, чтобы быть спокойнымъ.

— Возвращаюсь я съ выставки домой на второй или на третій день послѣ этого, вхожу въ переднюю, и вдругъ чувствую что то тяжелое; какъ камень наваливается мнѣ на сердце, и не могу дать себѣ отчета, что это. Это что-то было то, что проходя черезъ переднюю, я замѣтилъ что-то, напоминавшее его. Только въ кабинетѣ я далъ себѣ отчетъ въ томъ, что это было и вернулся въ переднюю, чтобы повѣрить себя. Да, я не ошибся, это была его шинель. Знаете, модная шинель. (Все, что его касалось, хотя я и не отдавалъ себѣ въ томъ отчета, я замѣчалъ съ необыкновенной внимательностью). Спрашиваю: такъ и есть, онъ тутъ. Прохожу не черезъ гостинную, а черезъ классную, въ залу. Лиза, дочь, сидитъ за книжкой и няня съ маленькой у стола вертитъ какой-то крышкой. Дверь въ залу затворена, а слышу оттуда равномерное *agreggio* и голосъ его и ея. Прислушиваюсь, но не могу разобрать.

Очевидно звуки на фортепіано нарочно для того, чтобы заглушить ихъ слова, поцѣлуй... можетъ быть. Боже мой! что тутъ поднялось во мнѣ! Какъ вспомню только про того звѣря, который жилъ во мнѣ тогда, ужасъ беретъ! Сердце вдругъ сжалось, остановилось и потомъ заколотило, какъ молоткомъ. Главное чувство, какъ и всегда, во всякой злости было— жалость къ себѣ. При дѣтяхъ! при нянѣ! думалъ я. Должно быть, я былъ страшенъ, потому что и Лиза смотрѣла на меня странными глазами. Что-жъ мнѣ дѣлать? спросилъ я себя. Войти? Я не могу, я, Богъ знаетъ, что сдѣлаю. Но не могу и уйти. Няня глядитъ на меня такъ, какъ будто она понимаетъ мое положеніе. Да нельзя не войти, сказала я себѣ и быстро отворилъ дверь. Онъ сидѣлъ за фортепіано, дѣлалъ эти *agreggio* своими, изогнутыми кверху, большими бѣлыми пальцами. Она стояла въ углу рояля надъ раскрытыми нотами. Она первая увидала или услышала и взглянула на меня. Испугалась ли она и притворилась, что не испугалась, или точно не испугалась, но она не вздрогнула, не пошевелилась, а только покраснѣла и то послѣ.

— Какъ я рада, что ты пришелъ; мы не рѣшили, что играть въ воскресенье, — сказала она такимъ тономъ, которымъ не говорила бы со мной, еслибъ мы были одни. Это и то, что она сказала «мы» про себя и про него, возмутило меня. Я молча поздравался съ нимъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и тотчасъ же съ улыб-

кой, которая мнѣ прямо казалась насмѣшливой, началъ объяснять мнѣ, что онъ принесъ ноты для приготовленія къ воскресенью, и что вотъ между ними несогласіе, что играть: болѣе трудное и классическое, именно Бехтовенскую сонату со скрипкой или маленькія вещицы? Все было такъ естественно и просто, что нельзя было ни къ чему придраться, а вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ увѣренъ, что все это было неправда, что они сговорились о томъ, какъ обмануть меня.

Одно изъ самыхъ мучительнѣйшихъ отношеній для ревнивцевъ (а ревнивцы всѣ въ нашей общественной жизни), это извѣстныя свѣтскія условія, при которыхъ допускается самая большая и опасная близость между мужчиной и женщиной. Надо сдѣлаться посмѣшищемъ людей, если препятствовать близости на балахъ, близости докторовъ съ своею паціенткой, близости при занятіяхъ искусствомъ, живописью, а главное музыкой. Люди занимаются вдвоемъ самымъ благороднымъ искусствомъ, музыкой; для этого нужна извѣстная близость, и близость эта не имѣетъ ничего предосудительнаго, и только глупый, ревнивый мужъ можетъ видѣть тутъ что-либо нежелательное. А между тѣмъ всѣ знаютъ, что именно посредствомъ этихъ самыхъ занятій, въ особенности музыкой, и происходитъ большая доля прелюбодѣній въ нашемъ обществѣ. Я очевидно смутилъ ихъ тѣмъ смущеніемъ, которое выражалось во мнѣ: я долго ничего не могъ сказать. Я былъ какъ перевернутая бутылка, изъ

которой вода не идетъ отъ того, что она слишкомъ полна. Я хотѣлъ изругать, выгнать его, но я чувствовалъ, что я долженъ былъ опять быть любезнымъ и ласковымъ съ нимъ. Я такъ и сдѣлалъ. Я сдѣлалъ видъ, что одобряю все и опять по тому странному чувству, которое заставило меня обращаться съ нимъ съ тѣмъ большей лаской, чѣмъ мучительнѣе мнѣ было его присутствіе. Я сказалъ ему, что полагаюсь на его вкусъ и ей совѣтую тоже. Онъ побылъ настолько еще, насколько нужно было, чтобъ сгладить непріятное впечатлѣніе, когда я вдругъ съ испуганнымъ лицомъ вошелъ въ комнату и замолчалъ — и уѣхалъ притворяясь, что теперь рѣшили, что играть завтра. Я же былъ вполне увѣренъ, что въ сравненіи съ тѣмъ, что занимало ихъ, вопросъ о томъ, что играть, былъ для нихъ совершенно безразличенъ.

Я съ особенной учтивостью проводилъ его до передней (какъ не провожать человѣка, который пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы нарушить спокойствіе и погубить счастье цѣлой семьи!) Я жалъ съ особенной лаской его бѣлую, мягкую руку.

XXII.

Цѣлый день этотъ я не говорилъ съ ней, не могъ. Близость ея вызывала во мнѣ такую ненависть къ ней, что я боялся себя. За обѣдомъ, она при дѣтяхъ спросила меня о томъ, когда я ѣду? Мнѣ надо было на слѣдующей недѣлѣ ѣхать на съѣздъ въ уѣздъ. Я сказалъ, когда. Она спросила не нужно ли мнѣ что на дорогу? Я не сказалъ ничего и молча просидѣлъ за столомъ, и молча же ушелъ въ кабинетъ. Последнее время она никогда не приходила ко мнѣ въ комнату, особенно въ это время. Лежу въ кабинетѣ и злюсь. Вдругъ знакомая походка. И въ голову мнѣ приходитъ страшная, безобразная мысль о томъ, что она, какъ жена Урія, хотѣла скрыть уже совершенный грѣхъ свой, и что она затѣмъ въ такой неурочный часъ идетъ ко мнѣ. Неужели она идетъ ко мнѣ? думалъ я слушая, ея приближающіеся шаги. Если ко мнѣ; то я правъ, значить. — И въ душѣ поднимается невыразимая

ненависть къ ней. Ближе, ближе шаги, неужели не пройдетъ мимо, въ залу. Нѣтъ, дверь скрипнула и въ дверяхъ ея высокая, красивая фигура, и въ лицѣ, въ глазахъ—робость и заискиваніе, которое она хочетъ скрыть, но которое я вижу, и значеніе котораго я знаю. Я чуть не задохнулся, такъ долго я удерживалъ дыханіе, и, продолжая, глядѣть на нее, схватился за папирочницу и сталъ закуривать.

— Ну что это, къ тебѣ придешь посидѣть, а ты закуриваешь, -- и она сѣла близко ко мнѣ на диванъ, прислоняясь ко мнѣ. Я отстранился, чтобъ не касаться ея.

— Я вижу, что ты недоволенъ тѣмъ, что я хочу играть въ воскресенье?—сказала она.

— Я нисколько недоволенъ,—сказалъ я.

— Развѣ я не вижу?

— Ну, поздравляю тебя, что ты видишь. Я же ничего не вижу, кромѣ того, что ты ведешь себя, какъ кокетка... Только тебѣ всякая подлость пріятна, а мнѣ ужасна!

— Да, если ты хочешь браниться, какъ извозчикъ, то я уйду.

— Уходи, только знай, что если тебѣ не дорога честь семьи, то мнѣ не ты дорога (чортъ съ тобой), но честь семьи.

— Да что, что?

— Убирайся, ради Бога, убирайся!

Притворялась она, что не понимаетъ, о чемъ, или дѣйствительно не понимала, но только она

обидѣлась, разсердилась и не ушла, а остановилась посрединѣ комнаты.

— Ты рѣшительно сталъ невозможенъ,—начала она.—Это такой характеръ, съ которымъ ангелъ не уживется,—и какъ всегда, стараясь уязвить меня какъ можно больнѣе, она напомнила мнѣ мой поступокъ съ сестрой (это былъ случай съ сестрою, когда я вышелъ изъ себя и наговорилъ сестрѣ своей грубости; она знала, что это мучить меня и въ это мѣсто кольнула меня).

— Послѣ этого меня уже ничто не удивить отъ тебя,—сказала она.

«Да, оскорбить, унижить, опозорить и поставить меня же въ виноватыхъ», сказалъ я себѣ, и вдругъ меня охватила такая страшная злоба къ ней, какой я никогда еще не испытывалъ.

Мнѣ въ первый разъ захотѣлось физически выразить эту злобу. Я вскочилъ и двинулся къ ней; но въ ту же минуту какъ я вскочилъ, я помню, что я созналъ свою злобу и спросилъ себя: хорошо ли отдаться этому чувству? и тотчасъ же отвѣтилъ себѣ, что это хорошо, что это напугаегъ ее и тотчасъ же, вмѣсто того, чтобы противиться этой злобѣ, я еще сталъ разжигать ее въ себѣ и радоваться тому, что она больше и больше разгорается во мнѣ.

— Убирайся или я тебя убью!—закричалъ я, подойдя къ ней и схвативъ ее за руку. Я сознательно усиливалъ интонацію злости своего голоса, говоря это. И должно быть я былъ страшенъ, потому что она такъ заробѣла, что даже не имѣла

силы уйти, а только говорила: «Вася, что ты, что съ тобой?»

— Уходи!—заревѣлъ я еще громче. Только ты можешь довести меня до бѣшенства. Я не отвѣчаю за себя!

Давъ ходъ своему бѣшенству, я упивался имъ, и мнѣ хотѣлось еще что нибудь сдѣлать необыкновенное, показывающее высшую степень этого моего бѣшенства. Мнѣ страшно хотѣлось бить, убить ее, но я зналъ, что этого нельзя, и потому, чтобы все-таки дать ходъ своему бѣшенству, схватилъ со стола прессъ-папье, еще разъ прокричавъ: «уйди!» швырнулъ его о земь мимо нея. Я очень хорошо цѣлилъ мимо. Тогда она пошла изъ комнаты, но остановилась въ дверяхъ. И тутъ же, пока еще она видѣла, (я сдѣлалъ это для того, чтобы она видѣла) я сталъ брать со стола венцы, подсвѣчники, чернильницу, и бросать ихъ о земь, продолжая кричать: «Уйди! убирайся! Я не отвѣчаю за себя!» Она ушла—и я тотчасъ же пересталъ.

Черезъ часъ ко мнѣ пришла няня и сказала, что у жены истерика. Я пришелъ, она рыдала; смѣялась, ничего не могла говорить и вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Она не притворялась, но была истинно больна.

Къ утру она успокоилась, и мы помирились подъ вліяніемъ того чувства, которое мы называли любовью.

Утромъ, когда послѣ примиренія я признался ей, что ревновалъ ее къ Трухачевскому, она ни-

сколько не смутилась и самымъ естественнымъ образомъ засмѣялась. Такъ странно даже ей казалась, какъ она говорила, возможность увлеченія къ такому человѣку.

— Развѣ къ такому человѣку возможно въ порядочной женщинѣ что нибудь, кромѣ удовольствія, доставляемаго музыкой? Да если хочешь, я готова никогда не видать его.

— Даже въ воскресенье, хотя и позваны всѣ, напиши ему, что я нездорова—и кончено. Одно противно, что кто нибудь можетъ подумать, главное онъ самъ, что онъ опасенъ. А я слишкомъ горда, чтобы позволить думать это.

И она вѣдь не лгала, она вѣрила въ то, что говорила: она надѣялась словами этими вызвать въ себѣ презрѣнiе къ нему и защитить имъ себя отъ него, но ей не удалось это. Все было направлено противъ нея, въ особенности эта проклятая музыка. Такъ все и кончилось, и въ воскресенье собрались гости, и они опять играли.

XXIII.

— Я думаю, что излишне говорить, что я былъ очень тщеславенъ: если не быть тщеславнымъ въ обычной нашей жизни, то вѣдь нечѣмъ жить. Ну, и въ воскресенье я со вкусомъ занялся устройствомъ обѣда и вечера съ музыкой. Я самъ накупилъ вещей для обѣда и позвалъ гостей.

Къ 6-ти часамъ собрались гости, и явился и онъ во фракѣ съ брилліантовыми запонками, дурного тона. Онъ держалъ себя развязно, на все отвѣчалъ поспѣшно съ улыбочкой согласія и пониманія, знаете, съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, что все, что вы сдѣлаете или скажете, есть то самое, чего онъ ожидалъ. Все, что было въ немъ не порядочнаго, все это я замѣчалъ теперь съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что это все должно было успокоивать меня и показывать, что онъ стоялъ для моей жены на такой низкой ступени, до которой, какъ она говорила, она не могла унизиться. Я теперь не позволялъ себѣ ревновать. Во первыхъ я пе-

ремучился уже этой мукой, и мнѣ надо было отдохнуть: во вторыхъ, я хотѣлъ вѣрить увѣреніямъ жены и вѣрилъ имъ. Но, не смотря на то, что я не ревновалъ, я все-таки былъ не натураленъ съ нимъ и съ нею, и во время обѣда и первую половину вечера, пока не началась музыка, я все еще слѣдилъ за движеніями и взглядами ихъ обоихъ.

Обѣдъ былъ какъ обѣдъ, скучный притворный. Довольно рано началась музыка. Охъ, какъ я помню всѣ подробности этого вечера, помню, какъ онъ принесъ скрипку, отперъ ящикъ, снялъ вышитую ему дамой покрывку, досталъ и сталъ строить. Помню, какъ жена сѣла съ притворно равнодушнымъ видомъ, подъ которымъ я видѣлъ, что она скрывала большую робость—робость преимущественно передъ своимъ умѣніемъ—съ притворнымъ видомъ сѣла за рояль, и начались обычные *la* на фортепіано, пиччикато скрипки, установка нотъ. Помню потомъ, какъ они взглянули другъ на друга, оглянувшись на усаживавшихся, и потомъ сказали что-то другъ другу, и началось. Онъ взялъ первые аккорды. У него сдѣлалось серьезное, строгое, симпатичное лицо, и прислушиваясь къ своимъ звукамъ, онъ осторожными пальцами дернулъ по струнамъ, Рояль отвѣтила ему. И началось».

Позднышевъ остановился и нѣсколько разъ сряду произвелъ свои звуки. Хотѣлъ начать говорить, но засопѣлъ носомъ и опять остановился.

— Они играли Крейцерову сонату Бетховена,—продолжалъ онъ.—Знаете ли вы первое престо?

Знаете?!—вскрикнулъ онъ.—У!Ууу!.. Страшная вещь эта соната. И именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка! Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она дѣлаетъ? И зачѣмъ она дѣлаетъ то, что она дѣлаетъ? Говорятъ, музыка дѣйствуетъ возвышающимъ душу образомъ—вздоръ! неправда. Она дѣйствуетъ, страшно дѣйствуетъ, я говорю про себя, но вовсе не возвышающимъ душу образомъ. Она дѣйствуетъ ни возвышающимъ, ни принижаящимъ душу образомъ, а раздражающимъ душу образомъ. Какъ вамъ сказать? Музыка заставляетъ меня забывать себя, мое истинное положеніе, она переноситъ меня въ какое-то другое, не свое положеніе, мнѣ подъ вліяніемъ музыки кажется, что я чувствую то, чего я собственно не чувствую, что я понимаю то, чего я не понимаю, что я могу то, чего не могу. Я объясняю это тѣмъ, что музыка дѣйствуетъ какъ зѣвота, какъ смѣхъ; мнѣ спать не хочется, но я зѣваю, глядя на зѣвающихъ; смѣяться не о чемъ, но я смѣюсь, слыша смѣющихся.

Она, музыка, сразу, непосредственно переноситъ меня въ то душевное состояніе, въ которомъ находился тотъ, кто писалъ музыку. Я сливаюсь съ нимъ душою и вмѣстѣ съ нимъ переношусь изъ одного состоянія въ другое; но зачѣмъ я это дѣлаю? я не знаю. Вѣдь тотъ, кто писалъ—хоть бы Крейцерову сонату,—Бетховень, вѣдь онъ зналъ, почему онъ находился въ такомъ состояніи,—это состояніе привело его къ извѣстнымъ поступкамъ,

и потому для него это состояніе имѣло смыслъ— для меня же никакого. И потому музыка только раздражаетъ, не кончаетъ. Ну маршъ воинственный сыграють, солдаты пройдутъ подъ маршъ. и музыка дошла; сыграли плясовую, я проплясалъ, и музыка дошла; ну, пропѣли мессу, я причастился, тоже музыка дошла; а то только раздраженіе, а того, что надо дѣлать въ этомъ раздраженіи—нѣтъ. И оттого музыка такъ страшно, такъ ужасно иногда дѣйствуетъ. Въ Китаѣ музыка государственное дѣло. И это такъ и должно быть. Развѣ можно допустить, чтобы всякій, кто хочетъ, гипнотизировалъ бы одинъ другого, или многихъ, и потомъ бы дѣлалъ съ ними, что хочетъ. И главное, чтобы этимъ гипнотизаторомъ былъ первый попавшійся безнравственный человѣкъ.

А то страшное средство въ рукахъ кого попало! Напримѣръ, хоть бы эту Крейцерову сонату, первое престо, развѣ можно играть въ гостинной среди декольтированныхъ дамъ? Это престо сыграть, и потомъ похлопать, а потомъ есть мороженое и говорить о послѣдней сплетнѣ? Эти вещи можно играть только при извѣстныхъ, важныхъ, значительныхъ обстоятельствахъ, и тогда, когда требуется совершить извѣстные, соотвѣтствующіе этой музыкѣ—поступки. Сыграть и сдѣлать то, на что настроила эта музыка. А то несоотвѣтственное ни мѣсту, ни времени, вызываніе энергій, чувства, ничѣмъ не проявляющагося, не можетъ не дѣйствовать губительно. На меня, по крайней мѣрѣ, вещь

эта подѣйствовала ужасно; мнѣ какъ будто открылись совсѣмъ новыя, казалось мнѣ, чувства, новыя возможности, о которыхъ я не зналъ до сихъ поръ. Да вотъ какъ: совсѣмъ не такъ, какъ я прежде думалъ и жилъ, а вотъ какъ, какъ будто говорилось мнѣ въ душѣ. Что такое было то новое, что я узналъ, я не могъ себѣ дать отчета, но сознаніе этого новаго состоянія было очень радостно. Всѣ тѣ же лица и въ томъ числѣ и жена, и онъ, представлялись въ другомъ свѣтѣ.

Послѣ этого allegro они доиграли прекрасное, но обыкновенное, не новое andante съ пошлыми варьяціями и совсѣмъ слабый финалъ. Потомъ еще играли по просьбѣ гостей, то элегію Эрнста, то еще разныя вещицы. Все это было хорошо, но все это не произвело на меня и 0,01 того впечатлѣнія, которое произвело первое. Все это происходило уже на фонѣ того впечатлѣнія, которое произвело первое.

Мнѣ было легко, весело весь вечеръ. Жену же я никогда не видалъ такою, какою она была въ этотъ вечеръ. Эти блестящіе глаза, эта строгость, значительность выраженія, пока она играла, и эта совершенная растаянность какая-то, слабая, жалкая и блаженная улыбка, послѣ того, какъ они кончили. Я все это видѣлъ, но не приписывалъ этому никакого другого значенія, кромѣ того, что она испытывала тоже, что и я, что и ей, какъ мнѣ, открылись, какъ будто вспоминались новыя, неиспытанные чувства. Вечеръ кончился благополучно, и всѣ разѣхались.

Зная, что я долженъ былъ черезъ два дня ѣхать на съѣздъ, Трухачевскій, прощаясь, сказалъ, что онъ рассчитываетъ въ свой другой пріѣздъ повторить еще удовольствіе нынѣшняго вечера. Изъ этого я могъ заключить, что онъ не считалъ возможнымъ бывать у меня безъ меня, и это было мнѣ пріятно.

Оказывалось, что такъ какъ я не вернусь до его отъѣзда, то мы съ нимъ больше не увидимся,

Я въ первый разъ съ истиннымъ удовольствіемъ пожалъ ему руку и благодарилъ его за удовольствіе. Онъ такъ же совсѣмъ простился съ женой. И пхъ прощаніе показалось мнѣ самымъ натуральнымъ и приличнымъ. Все было прекрасно. Мы оба съ женою были очень довольны вечеромъ.

XXIV.

Черезъ два дня я уѣхалъ въ уѣздъ, въ самомъ хорошемъ, спокойномъ настроеніи, простившись съ женой.

Въ уѣздѣ всегда бывало пропасть дѣла и совсѣмъ особенная жизнь, особенный мірокъ. Два дня я по 10-ти часовъ проводилъ въ присутствіи. На другой день мнѣ въ присутствіе принесли письмо отъ жены. Я тутъ же прочелъ его.

Она писала о дѣтяхъ, о дядѣ, о нянюшкѣ, о покупкахъ, и между прочимъ, какъ о вещи самой обыкновенной, о томъ, что Трухачевскій заходилъ, принесъ обѣщанныя ноты и обѣщалъ играть еще, но что она отказалась.

Я не помнилъ, что онъ обѣщалъ принести ноты: мнѣ казалось, что онъ тогда простился совсѣмъ, и потому это неприятно поразило меня. Но дѣла было столько, что некогда было подумать, и я только вечеромъ, вернувшись на квартиру, перечелъ письмо.

Кромѣ того, что Трухачевскій былъ безъ меня еще разъ, весь тонъ письма показался мнѣ натянутымъ. Бѣшенный звѣрь ревности зарычалъ въ своей конурѣ и хотѣлъ выскочить, но я боялся этого звѣря и заперъ его скорѣй. «Какое мерзкое чувство эта ревность!» сказалъ я себѣ.—«Что можетъ быть естественнѣе того, что она пишетъ?»

И я легъ въ постель и сталъ думать о дѣлахъ, предстоящихъ на - завтра. Мнѣ всегда долго не спалось во время этихъ сѣздовъ, на новомъ мѣстѣ, но тутъ я заснулъ очень скоро. И какъ это бываетъ, знаете, вдругъ толчекъ электрическій и просыпаешься. Такъ я проснулся и проснулся съ мыслью о ней, о моей плотской любви къ ней, и о Трухачевскомъ, и о томъ, что между нею и имъ все кончено. Ужасъ и злоба стиснули мнѣ сердце. Но я сталъ образумливать себя. «Что за вздоръ, говорилъ я себѣ, нѣтъ никакихъ основаній, ничего нѣтъ и не было. И какъ я могу такъ унижать еѣ и себя, предполагая такія ужасы. Что то въ родѣ наемнаго скрипача, извѣстнаго за дряннаго человѣка, и вдругъ женщина почтенная, уважаемая мать семейства, *моя жена!* Что за нелѣпость!—«представлялась мнѣ съ одной стороны. «Какъ же этому не быть?» — представлялась мнѣ съ другой. Какъ же могло не быть то самое простое и понятное, во имя чего я женился на ней, то самое, во имя чего я съ нею жилъ, чего одного въ ней нужно было и мнѣ, и чего по этому нужно было и другимъ, этому музыканту. Онъ человѣкъ, не женатый здо-

ровый (помню, какъ онъ хрустѣлъ хрящемъ въ котлеткѣ и обхватывалъ жадно красными губами стаканъ съ виномъ), сытый, гладкій и не только безъ правилъ, но очевидно съ правилами о томъ, чтобы пользоваться тѣми удовольствіями, которыя представляются. И между ними связь музыки, самой утонченной похоти чувствъ. Что же можетъ удержать его? Она? Да кто она? Она тайна, какъ была, такъ и есть. Я не знаю её. Знаю её только, какъ животное. А животное ничто не можетъ, не должно удержать.

Только теперь я вспомнилъ ихъ лица въ тотъ вечеръ, когда они послѣ Крейцеровой сонатѣ сыграли какую-то странную вещь, не помню кого, какую-то до похабности чувственную пьесу. «Какъ я могъ уѣхать»? говорилъ я себѣ, вспоминая ихъ лица, — «развѣ не ясно было, что между ними все совершилось въ этотъ вечеръ? и развѣ не видно было, что уже въ этотъ вечеръ между ними не только не было никакой преграды, но что они оба, главное она, испытывали нѣкоторый стыдъ, послѣ того, что случилось съ ними. Помню, какъ она слабо, жалобно и блаженно улыбалась утирая потъ съ покраснѣвшаго лица, когда я подошелъ къ фортепіано. Они уже тогда избѣгали смотрѣть другъ на друга, и только за ужиномъ, когда онъ наливалъ ей воды, они взглянули другъ на друга и чуть улыбнулись. Я съ ужасомъ вспомнилъ теперь этотъ перехваченный мною ихъ взглядъ, съ чуть замѣтной улыбкой. «Да, все кончено», говорилъ

мнѣ одинъ голосъ, и тотчасъ же другой голосъ говорилъ совсѣмъ другое: «это что-то нашло на тебя, этого не можетъ быть,» говорилъ этотъ другой голосъ. Мнѣ жутко стало лежать въ темнотѣ, я зажегъ спичку и мнѣ какъ-то страшно стало въ этой маленькой комнаткѣ съ желтыми обоями. Я закурилъ папирску, и какъ всегда бываетъ, когда вертишься въ одномъ и томъ же кругу не разрешающихся противорѣчій—курилъ, и я курилъ одну папирску за другой для того, чтобы затуманить себя и не видать противорѣчій.

И не заснулъ всю ночь и въ пять часовъ, рѣшивъ, что не могу оставаться болѣе въ этомъ напряженіи и сейчасъ же поѣду, я всталъ, разбудилъ сторожа, который мнѣ прислуживалъ, и послалъ его за лошадьми. Въ Засѣданіе я послалъ записку о томъ, что я по экстренному дѣлу вызванъ въ Москву; потому прошу, чтобы меня замѣнилъ членъ. Въ восемь часовъ я сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ».

XXV.

Вошелъ кондукторъ, и замѣтивъ, что свѣча наша догорѣла, потушилъ ее, не вставляя новую. На дворѣ начинало свѣтать. Позднышевъ молчалъ, тяжело вздыхая, все время, пока въ вагонѣ былъ кондукторъ. Онъ продолжалъ свой рассказъ, только когда вышелъ кондукторъ и въ полу-темномъ вагонѣ слышался только трескъ стеколъ двигающагося вагона и равномерный храпъ прикащика. Въ полусвѣтѣ зари миѣ совсѣмъ уже не видно было Позднышева. Слышенъ былъ только его все болѣе и болѣе взволнованный, страдающій голосъ.

— Ъхать надо было 35 верстъ на лошадахъ и восемь часовъ на чугункѣ. На лошадахъ ѣхать было прекрасно. Была морозная осенняя пора съ яркимъ солнцемъ. Знаете, эта пора, когда шины выпечатываются на засаленной дорогѣ. Дороги гладкія, свѣтъ яркій и воздухъ бодрящій. Въ тарантасѣ ѣхать было хорошо. Когда разсвѣло и я

поѣхалъ, мнѣ стало легче. Глядя на лошадей, на поля, на встрѣчныхъ, я забылъ, куда ѣду. Иногда мнѣ казалось, что я просто ѣду, и что ничего того, что вызывало меня, ничего этого не было. И мнѣ особенно радостно бывало такъ забываться. Когда же я вспоминалъ куда я ѣду, я говорилъ себѣ: „тогда видно будетъ, не думай“. На срединѣ дороги сверхъ того случилось событіе, задержавшее меня въ дорогѣ и еще больше развлекшее меня: тарантасъ сломался, и падо было чинить его. Поломка эта имѣла большое значеніе тѣмъ, что она сдѣлала то, что я приѣхалъ въ Москву не въ пять часовъ, какъ я рассчитывалъ, а въ 12 часовъ, а домой—въ первомъ часу, такъ какъ я не попалъ на курьерскій, а долженъ былъ уже ѣхать на пассажирскомъ. Поѣздка за телѣгой, починка, расплата, чай на постояломъ дворѣ, разговоры съ дворникомъ, все это еще больше развлекло меня. Сумерками все было готово, и я опять поѣхалъ, и ночью еще лучше было ѣхать, чѣмъ днемъ. Былъ молодой мѣсяцъ, маленькій морозъ, еще прекрасная дорога, лошади, веселый ямщикъ, и я ѣхалъ и наслаждался, почти совсѣмъ не думая о томъ, что меня ожидаетъ, или именно потому особенно наслаждался, что зналъ, что меня ожидаетъ, и прощался съ радостями жизни. Но это спокойное состояніе мое, возможность подавлять свое чувство — кончилось съ поѣздкой на лошадяхъ. Какъ только я вошелъ въ вагонъ, началось совсѣмъ другое. Этотъ 8-ми часовой переѣздъ въ вагонѣ былъ для меня что-то

ужасное, чего я не забуду во всю жизнь. Оттого-ли, что сѣвъ въ вагонъ, я живо представилъ себя уже приѣхавшимъ, или оттого, что желѣзная дорога такъ возбуждающе дѣйствуетъ на людей, но только съ тѣхъ поръ какъ я сѣлъ въ вагонъ, я уже не могъ владѣть своимъ воображеніемъ, и оно, не переставая, съ необычайной яростью начало рисовать мнѣ разжигающія мою ревность картины, одну за другой, и все о томъ же, о томъ, что происходило тамъ, безъ меня, какъ она измѣняла мнѣ. Я сгоралъ отъ негодованія, злости и какого-то особеннаго чувства упоенія своимъ униженіемъ, созерцая эти картины и не могъ оторваться отъ нихъ; не могъ не смотрѣть на нихъ, не могъ стереть ихъ, не могъ не вызывать ихъ. Мало того, чѣмъ болѣе я созерцалъ эти воображаемыя картины, тѣмъ болѣе я вѣрилъ въ ихъ дѣйствительность. Яркость, съ которой представлялись мнѣ эти картины, какъ будто служила доказательствомъ тому, что то, что я воображалъ, было дѣйствительностью. Какой-то дьяволъ, точно противъ моей воли, придумывалъ и подсказывалъ мнѣ самыя ужасныя соображенія. Давнишній разговоръ съ братомъ Трухачевского вспомнился мнѣ, и я съ какимъ-то восторгомъ раздиралъ себѣ сердце этимъ разговоромъ, относя его къ Трухачевскому и моей женѣ.

Это было давно, но я вспомнилъ это. Братъ Трухачевского, я помню разъ, на вопросъ о томъ, посѣщаетъ ли онъ извѣстные дома, сказалъ, что порядочный человѣкъ не станетъ ходить туда, гдѣ

можно заболѣть, да и грязно, и гадко, когда всегда можно найти порядочную женщину. И вотъ онъ, его братъ, нашелъ мою жену. Правда, она уже не первой молодости, зуба одного нѣтъ сбоку, и есть пухлость нѣкоторая, думалъ я за него, но чтоже дѣлать, надо пользоваться тѣмъ, что есть. Да, онъ дѣлаетъ снисхожденіе ей, что беретъ ее своей любовницей, говорилъ я себѣ. Притомъ она безопасна... Нѣтъ! это невозможно! ужасаясь говорилъ я себѣ. Ничего нѣтъ подобнаго, ничего! И нѣтъ даже никакихъ основаній предполагаетъ что нибудь подобное. Развѣ она не говорила мнѣ, что ей унижительно даже мысль о томъ, что я могу ревновать къ нему. Да, но она лжетъ, все лжетъ! вскрикивалъ я—и начиналось опять... Пассажировъ въ нашемъ вагонѣ было только двое: старушка съ мужемъ, оба очень не разговорчивые, и тѣ вышли на одной изъ станцій, и я остался одинъ. Я былъ какъ звѣрь въ клѣткѣ: то я вскакивалъ, подходилъ къ окнамъ, то, шатаясь, начиналъ ходить, стараясь подогнать вагонъ; но вагонъ со всѣми лавками и стеклами все точно такъ же подрагивалъ, вотъ, какъ нашъ...»

И Позднышевъ вскочилъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять сѣлъ.

— Охъ, боюсь я, боюсь я, вагоновъ желѣзной дороги, ужасъ находить на меня. Да, ужасно!—продолжалъ онъ.—Я говорилъ себѣ: буду думать о другомъ. Ну, положимъ о хозяинѣ постоялаго двора, у котораго я, пилъ чай. Ну вотъ, въ глазахъ

воображенія возникаетъ дворникъ съ длинной бородой и его внукъ—мальчикъ однихъ лѣтъ съ моимъ Васей. Мой Вася? Онъ увидить, какъ музыкантъ цѣлуетъ его мать. Что сдѣлается въ его бѣдной душѣ? Да ей что! Она любитъ... И опять поднималось тоже. Нѣтъ, нѣтъ... Ну, буду думать объ осмотрѣ больницы. Да, какъ вчера больной жаловался на доктора. А докторъ съ усами, какъ у Трухачевского. И какъ онъ нагло... они оба обманывали меня,—когда говорилъ, что онъ уѣзжаетъ. И опять начиналось. Все, о чемъ я думалъ, имѣло связь съ нимъ. Я страдалъ ужасно. Страданіе главное было въ невѣдѣніи, въ сомнѣніяхъ, въ раздвоеніи, въ незнаніи того, что любить или ненавидѣть надо ее. Страданіе было какое-то странное чувство и ненависть сознанія своего униженія и его побѣды, но къ ней страшная ненависть. «Нельзя покончить съ собою и оставить ее; надо, чтобъ она пострадала, хотя сколько нибудь, хоть поняла бы, что я страдалъ», говорилъ я себѣ. Я выходилъ на всѣхъ станціяхъ, чтобы развлекаться. На одной станціи я въ буфетѣ увидалъ, что пьютъ, и тотчасъ же самъ выпилъ водки. Рядомъ со мной стоялъ еврей и тоже пилъ. Онъ разговорился, и я, чтобы только не оставаться одному въ своемъ вагонѣ, пошелъ съ нимъ въ его грязный, накуренный и забрызганный шелухой отъ сѣмечекъ—вагонъ 3-го класса. Тамъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и онъ много что-то болталъ и рассказывалъ анекдоты. Я слушалъ его, но не могъ понимать того, что онъ

говорить, потому что продолжалъ думать о своемъ. Онъ замѣтилъ это и сталъ требовать къ себѣ вниманія; тогда я всталъ и ушелъ опять въ свой вагонъ. «Надо обдумать», говорилъ я себѣ, «правда ли то, что я думаю, и есть ли основаніе мнѣ мучиться. Я сѣлъ, желая спокойно обдумать, но тотчасъ же вмѣсто спокойнаго обдумыванья началось опять то же: вмѣсто разсужденій—картины и представленія. «Сколько разъ я такъ мучился», говорилъ я себѣ, (я вспоминалъ прежніе подобные припадки ревности) и потомъ все кончалось ничѣмъ. Такъ и теперь, можетъ быть, даже навѣрное, я найду ее спокойно спящую; она проснется, обрадуется мнѣ, и по словамъ, по взгляду я почувствую, что ничего не было, и что все это вздоръ. О, какъ хорошо бы это было! «Но нѣтъ, это слишкомъ часто было, и теперь этого уже не будетъ», говорилъ мнѣ какой-то голосъ, и опять начиналось. Да, вотъ гдѣ была казнь! Не въ сифилитическую больницу я сводилъ бы молодаго человѣка, чтобы отбить у него охоту отъ женщины, но въ душу къ себѣ, посмотрѣть на тѣхъ дьяволовъ, которые раздирали ее! Вѣдь ужасно было то, что я признавалъ за собой несомнѣнное, полное право надъ ея тѣломъ, какъ будто это было мое тѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что владѣть я этимъ тѣломъ не могу, что оно не мое, и что она можетъ распоряжаться имъ, какъ хочетъ, а хочетъ распорядиться имъ не такъ, какъ я хочу. И я ничего не могу сдѣлать, ни ей, ни ему. Онъ какъ Ванька-

ключникъ передъ висѣлицей споетъ пѣсенку о томъ, какъ въ сахарные уста было поцѣловано и прочее. И верхъ его. А съ ней еще меньше я могу что нибудь сдѣлать. Если она не сдѣлала, но хочетъ, а я знаю, что хочетъ, то еще хуже, ужъ лучше бы сдѣлала, чтобы я зналъ, чтобъ не было неизвестности. Я не могъ бы сказать, чего я желалъ. Я желалъ, чтобъ она не хотѣла того, что она должна была хотѣть. Это было полное сумасшествіе!

XXVI.

— На предпоследней станціи, когда кондукторъ пришелъ обирать билеты, я, собравъ свои вещи на тормазъ, и сознаніе того, что близко, вотъ оно рѣшеніе, еще усилило мое волненіе. Мнѣ стало холодно, и я сталъ дрожать челюстями такъ, что стучалъ зубами. Я машинально съ толпой вышелъ изъ вокзала, взялъ извозчика, сѣлъ и поѣхалъ. Я ѣхалъ, оглядывая рѣдкихъ прохожихъ и дворниковъ и тѣни, бросаемаыя фонарями и моею пролеткой, то спереди, то сзади, ни о чемъ не думая.

Отъѣхавъ съ полверсты, мнѣ стало холодно ногамъ, и я подумалъ о томъ, что снялъ въ вагонѣ шерстяные чулки и положилъ ихъ въ сумку. Гдѣ сумка? тутъ-ли? Тутъ. А гдѣ корзина? Я вспомнилъ, что я забылъ совсѣмъ о багажѣ, но вспомнивъ и доставъ росписку рѣшилъ, что не стоитъ возвращаться за этимъ, и поѣхалъ дальше.

Сколько я ни стараюсь вспомнить теперь, я никакъ не могу вспомнить моего тогдашняго состоянія: что я думалъ? чего хотѣлъ? ничего не знаю. Помню только, что у меня было сознаніе того, что готовится что-то страшное и очень важное въ моей жизни. Отъ того ли произошло то важное, что я такъ думалъ, или отъ того, что предчувствовалъ—не знаю. Можетъ быть и то, что послѣ того, что случилось, всѣ предшествующія минуты въ моемъ воспоминаніи получили мрачный оттѣнокъ. Я подъѣхалъ къ крыльцу. Былъ 1-й часъ. Нѣсколько извозчиковъ стояло у крыльца, ожидая сѣдоковъ по освѣщеннымъ окнамъ (освѣщенные окна были въ нашей квартирѣ, въ залѣ и гостиной). Не отдавая себѣ отчета о томъ, почему есть еще свѣтъ такъ поздно въ нашихъ окнахъ, я въ томъ же состояніи ожиданія чего-то страшнаго, взшелъ на лѣстницу и позвонилъ. Лакей, добрый, старательный и очень глупый Егоръ, отворилъ. Первое, что бросилось въ глаза, въ передней была на вѣшалкѣ рядомъ съ другимъ платьемъ—шинель. Я бы долженъ былъ удивиться, но не удивился, потому что ждалъ этого. «Такъ и есть», сказалъ я себѣ. Когда

я спросилъ Егора, кто здѣсь, и онъ назвалъ мнѣ Трухачевскаго, я спросилъ: есть ли еще кто нибудь? онъ сказалъ: никого-съ. Помню, какъ онъ отвѣтилъ мнѣ это съ такой интонаціей, какъ будто порадовать меня и разсѣять сомнѣнія, что есть еще кто нибудь. «Такъ, такъ», какъ будто говорилъ я себѣ. — А дѣти? — Слава Богу здоровы. Давно спать-съ.

Я не могъ продохнуть и не могъ остановить трясущихся челюстей. «Да, стало быть не такъ, какъ я думалъ: то прежде я думалъ—несчастіе, а оказалось все хорошо, по старому. Теперь же вотъ не по старому, а вотъ оно все то, что я представлялъ, а вотъ оно все въ дѣйствительности. Вотъ оно все...

Я чуть было не зарыдалъ, но тотчасъ же дьяволъ подсказалъ: «ты плачь, сентиментальничай, а они спокойно разойдутся, уликъ не будетъ, и ты вѣкъ будешь сомнѣваться и мучиться. И тотчасъ чувствительность надъ собою исчезла, и явилось странное чувство радости, что кончится теперь мое мученье, что теперь я могу наказать ее, могу избавиться отъ нея, что я могу дать волю моей злобѣ. И я далъ волю моей злобѣ я сдѣлался звѣремъ, злымъ и хитрымъ звѣремъ. «Не надо, не надо,—сказалъ я Егору, хотѣвшему идти въ гостиную,—а ты вотъ что: ты поди, скорѣе возьми извозчика и поѣзжай; вотъ квитанція, получи вещи. Ступай». Онъ пошелъ по корридору за своимъ пальто. Боясь, что онъ спугнетъ ихъ, я проводилъ его до его каморки и подождалъ, пока онъ одѣлся. Въ гости-

ной, за другой комнатой, слышенъ былъ говоръ и звукъ ножей и тарелокъ. Они ѣли и не слышали звонка. «Только бы не вышли теперь», думалъ я. Егоръ надѣлъ свое пальто съ астраханскимъ барашкомъ и вышелъ. Я выпустилъ его и заперъ за нимъ дверь, и мнѣ стало жутко, когда я почувствовалъ что остался одинъ, и что мнѣ надо сейчасъ дѣйствовать. Какъ—я еще не зналъ. Я зналъ только, что теперь все кончено, что сомнѣній въ ея невинности не можетъ быть, и что я сейчасъ накажу ее и кончу мои отношенія съ нею.

Прежде еще были у меня колебанія, и я говорилъ себѣ: «а можетъ быть, это неправда, можетъ быть, я ошибаюсь», теперь этого уже не было. Все было рѣшено безповоротно. Тайно отъ меня, одна съ нимъ, ночью... Это уже совершенное забвеніе всего! Или еще хуже: нарочно такая смѣлость, дерзость въ преступленіи, чтобы дерзость эта служила признакомъ невинности. Все ясно. Сомнѣнія нѣтъ. Я боялся только одного, какъ бы они не разбѣжались, не придумали еще новаго обмана и не лишили меня тѣмъ и очевидности улики, возможности доказать. И съ тѣмъ, чтобы скорѣе заесть ихъ, я на цыпочкахъ пошелъ въ залу, гдѣ они сидѣли, не черезъ гостиную, а черезъ корридоръ и дѣтскую.

Въ первой дѣтской мальчики спали. Во второй дѣтской, няня зашевелилась, хотѣла проснуться, и я представилъ себѣ то, что она подумаетъ, узнавъ все, и такая жалость къ себѣ охватила меня при этой мысли, что я не могъ удержаться отъ слезъ,

и, чтобы не разбудить дѣтей, выбѣжалъ на цыпочкахъ въ корридоръ, и къ себѣ въ кабинетъ, повалился на диванъ и зарыдалъ.

Я, честный человѣкъ, я—сынъ своихъ родителей, я— всю жизнь мечтавшій о счастіи семейной жизни, я—мужчина,, никогда не измѣнявшій ей... И вотъ! пять человѣкъ дѣтей, и она обнимаетъ музыканта, оттого, что у него красныя губы!

Нѣтъ, это не человѣкъ! Это сука, это мерзкая сука! Рядомъ съ комнатою дѣтей, въ любви къ которымъ она притворялась всю свою жизнь. И писать мнѣ то, что она писала! И такъ нагло броситься на шею! Да что я знаю? можетъ быть, все время это такъ было. Можетъ быть, она давно съ лакеями прижила всѣхъ дѣтей, которыя считаются моими.

И завтра я бы пріѣхалъ, и она въ своей прическѣ, съ своей таліей и лѣнивыми граціозными движеніями (я увидалъ все ея привлекательное ненавистное лицо) встрѣтила бы меня — и звѣрь этотъ ревности навѣки сидѣлъ бы у меня въ сердцѣ и раздиралъ бы его. Няня что подумаетъ... Егоръ... И бѣдная Лизочка! Она уже понимала что то. И эта наглость? И эта ложь! И эта животная чувственность, которую я такъ знаю,—говорилъ я себѣ.

Я хотѣлъ встать, но не могъ. Сердце такъ билось, что я не могъ устоять на ногахъ. Да, я умру отъ удара. Она убьетъ меня. Ей это и надо. Что-жъ ей убить? Да нѣтъ, это бы ей было слишкомъ выгодно, и этого удовольствія я не доставлю ей. Да, я сижу, а они тамъ ѣдятъ и смѣются, и... Да, не смотря

на то, что она была ужъ не въ первой свѣжести, онъ не побрезгалъ ею, все-таки она была не дурна, главное же было по крайней мѣрѣ безопасно для его драгоцѣннаго здоровья. И зачѣмъ я не задушилъ ее тогда, сказалъ я себѣ, вспомнивъ ту минуту, когда я недѣлю тому назадъ вытолкалъ ее изъ кабинета и потомъ колотилъ вещи. Мнѣ живо вспомнилось, то состояніе, въ которомъ я былъ тогда; не только вспомнилось, но я ощущалъ ту же потребность бить, разрушать, которую я ощущалъ тогда. Помню, какъ мнѣ захотѣлось дѣйствовать, и всякія соображенія, кромѣ тѣхъ, которыя нужны были для дѣйствія, выскочили у меня изъ головы. Я вступилъ въ то состояніе звѣря или человѣка подъ вліяніемъ физическаго возбужденія во время опасности, когда человѣкъ дѣйствуетъ точно, не торопливо, но и не теряя ни минуты и все только съ одной опредѣленной цѣлью.

Первое, что я сдѣлалъ, я снялъ сапоги и, оставшись въ носкахъ, подошелъ къ стѣнѣ надъ диваномъ, гдѣ у меня висѣли ружья и кинжалы, и взялъ кривой дамаскій кинжалъ, ни разу не употреблявшійся и очень острый. Я вынулъ его изъ ноженъ. Ножны, я помню, завалились за диванъ, и помню, что я сказалъ себѣ: надо послѣ найти ихъ, а то пропадутъ. Потомъ я снялъ пальто, которое, все время было на мнѣ, и мягко ступая въ однихъ носкахъ, пошелъ туда.

XXVII.

И подкравшись тихо, я вдругъ отворилъ дверь. Помню выраженіе ихъ лицъ. Я помню это выраженіе, потому что выраженіе это доставило мнѣ мучительную радость. Это было выраженіе ужаса. Этого-то мнѣ и надо было. Я никогда не забуду выраженія отчаяннаго ужаса, которое выступило въ первую секунду на обоихъ ихъ лицахъ, когда они увидали меня. Онъ сидѣлъ, кажется за столомъ, но увидавъ или услыхавъ меня, вскочилъ на ноги и остановился спиной къ шкафу. На его лицѣ было одно очень несомнѣнное выраженіе ужаса. На ея лицѣ было тоже выраженіе ужаса, но съ нимъ вмѣстѣ было и другое. Если бы оно было одно, можетъ быть, и не случилось бы того, что случилось; но въ выраженіи ея лица было, по крайней мѣрѣ показалось мнѣ въ первое мгновеніе, было еще огорченье, недовольство тѣмъ, что нарушили ея увлеченіе любовью и ея счастье съ

нпмъ. Ей, какъ будто, ничего не нужно было кромѣ того, чтобы ей не мѣшали быть счастливой теперь. То и другое выраженіе только мгновенно держалось на ихъ лицахъ. Выраженіе ужаса въ его лицѣ тотчасъ же смѣнилось выраженіемъ вопроса: можно лгать или нѣтъ? Если можно, то надо начинать. Если нѣтъ, то начнется еще что то другое. Но что?.. Онъ вопросительно взглянулъ на нее. На ея лицѣ выраженіе досады и огорченія смѣнилось, какъ мнѣ показалось, когда она взглянула на него,—заботы о немъ.

На мгновенье я остановился въ дверяхъ, держа кинжалъ за спиной.

Въ это-то мгновенье онъ улыбнулся и до смѣшного равнодушнымъ тономъ началъ: — А мы вотъ музицировали...

— Вотъ не ждала,—въ тоже время начала она, покаяясь его тону. Но ни тотъ, ни другой не договорили: тоже самое бѣшенство, которое я испытывалъ недѣлю тому назадъ, овладѣло мной. Опять я испыталъ эту потребность разрушенія, насилія и восторга бѣшенства, и отдался ему. Оба не договорили. Началось то другое, чего онъ боялся, что разрывало сразу все, что они говорили. Я бросился къ ней, все еще скрывая кинжалъ, чтобы онъ не помѣшалъ мнѣ ударить ее въ бокъ подъ грудью. Я выбралъ это мѣсто съ самаго начала. Въ ту минуту, какъ я бросился къ ней, онъ увидалъ, и, чего я никакъ не ждалъ отъ него, онъ схватилъ меня за руку, и крикнулъ: «опомнитесь, что вы!.. Люди!..

И вырвать руку и молча бросился къ нему. Его глаза встрѣтились съ монми, онъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, до губъ, глаза сверкнули какъ-то особенно, и, чего я тоже никакъ не ожидалъ, онъ шмыгнулъ подъ фортепiano, въ дверь. Я бросился было за нимъ, но на лѣвой рукѣ моей повисла тяжесть. Эго была она. Я рванулся. Она еще тужелѣе повисла и не выпускала меня. Неожиданная эта помѣта, тяжесть, и ея отвратительное мнѣ прикосновеніе еще больше разожгли меня. Я чувствовалъ, что я исполнѣ бѣшенный и долженъ быть страшенъ, и радовался этому. Я размахнулся изъ всѣхъ силъ лѣвой рукой и локтемъ попалъ ей въ самое лицо. Она вскрикнула и выпустила мою руку. Я хотѣлъ бѣжать за нимъ, но вспомнилъ, что было бы смѣшно бѣжать въ носкахъ за любовникомъ своей жены, а я не хотѣлъ быть смѣшенъ, а хотѣлъ быть страшенъ. Не смотря на страшное бѣшенство, въ которомъ я находился, я помнилъ все время, какое впечатлѣніе я произвожу на другихъ, и даже это впечатлѣніе, отчасти руководило мною. Я повернулся къ ней. Она упала на кушетку и, схватившись рукой за расшибленные мною глаза, смотрѣла на меня. Въ лицѣ ея былъ страхъ и ненависть ко мнѣ, къ врагу, какъ у крысы, когда поднимаютъ мышеловку, въ которую она попалась. Я, по крайней мѣрѣ, ничего не видалъ въ ней, кромѣ этого страха и ненависти ко мнѣ. Это былъ тотъ самый страхъ и ненависть ко мнѣ, которые должна была вызвать любовь къ другому. Но еще можетъ быть, я удерж-

жался бы и не сдѣлалъ бы того, что я сдѣлалъ, если бы она молчала. Но она вдругъ начала говорить и хватать меня рукой за руку съ кинжаломъ, — Опомнись! Что ты? Что съ тобой? Ничего нѣтъ. ничего, ничего. Клянусь!

Я бы и еще помедлилъ, но эти послѣднія слова ея, по которымъ я заключилъ обратное, т. е. что все было, вызывали отвѣтъ. И отвѣтъ долженъ былъ быть соотвѣтственъ тому настроенію, въ которое я привелъ себя, которое все шло *crescendo* и должно было проложатъ такъ же возвышатся. У бѣшенства есть тоже свои законы.

— Не лги, мерзавка!—завопилъ я—и лѣвой рукой схватилъ ее за руку, но она вырвалась. Тогда я, все-таки не выпуская кинжала, схватилъ ее лѣвой рукой за горло, опрокинулъ навзничъ и сталъ душиить. Какая жесткая шея была... Она схватилась обѣими руками за мои руки, отдирая ихъ отъ горла, и я какъ будто этого-то и ждалъ, изо всѣхъ силъ ударилъ ее кинжаломъ въ лѣвый бокъ, ниже реберъ.

Когда люди говорятъ, что они въ припадкѣ бѣшенства не помнятъ того, что они дѣлаютъ—это вздоръ, неправда. Я все вспомнилъ и ни на секунду не переставалъ помнить. Чѣмъ сильнѣе я разводилъ самъ въ себѣ пары своего бѣшенства, тѣмъ ярче разгорался во мнѣ свѣтъ сознанія, при которомъ я не могъ не видѣть всего того, что я дѣлалъ. Всякую секунду я зналъ. что я дѣлаю. Не могу сказать, чтобы я зналъ впередъ, что я буду дѣлать, но въ ту секунду, какъ я дѣлалъ, даже

кажется нѣсколько впередъ, я зналъ, что я дѣлаю, какъ будто для того, чтобы возможно было раскаться, чтобъ я могъ себѣ сказать, что я могъ остановиться. Я зналъ, что я ударяю ниже реберъ, и что кинжалъ войдетъ. Въ ту минуту, какъ я дѣлалъ это, я зналъ, что дѣлаю нѣчто ужасное, такое, какого я никогда не дѣлалъ, и которое будетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Но сознаніе это мелькнуло какъ молнія, и за сознаніемъ тотчасъ же слѣдовалъ поступокъ. Поступокъ сознавался съ необычайной яркостью. Я слышалъ и помню мгновенное противодѣйствіе корсета и еще чего-то и потомъ погруженіе ножа въ мягкое. Она схватилась руками за кинжалъ, обрѣзала ихъ, но не удержала.

Я долго потомъ въ тюрьмѣ, послѣ того, какъ нравственный переворотъ совершился во мнѣ, думалъ объ этой минутѣ, вспоминалъ, что могъ, и соображалъ. Помню на мгновеніе, только на мгновеніе, предварявшее поступокъ, страшное сознаніе того, что я убиваю и убилъ женщину, беззащитную женщину, мою жену! Ужасъ этого сознанія я помню и потому заключаю и даже вспоминаю смутно, что, воткнувъ кинжалъ, я тотчасъ же вытащилъ его, желая поправить сдѣланное и остановить. Я секунду стоялъ неподвижно, ожидая, что будетъ, можно ли поправить.

Она вскочила на ноги, вскрикнула: „няня! онъ убилъ меня!“

Услыхавшая шумъ няня стояла въ дверяхъ. Я все стоялъ, ожидая и не вѣря. Но тутъ изъ подъ

ея корсета хлынула кровь. Тутъ только я понялъ, что поправить нельзя, и тотчасъ же рѣшилъ, что и не нужно, что я этого самаго и хочу, и это самое и долженъ былъ сдѣлать. Я подождать, пока она упала, и няня съ крикомъ: «батюшки!» подбѣжала къ ней, и тогда только бросилъ кинжалъ прочь и пошелъ изъ комнаты.

„Не надо волноваться, надо знать, что я дѣлаю, сказалъ я себѣ, не глядя на нее и няню. Няня кричала, звала дѣвушку. Я прошелъ корридоромъ и, пославъ дѣвушку, пошелъ въ свою комнату. Что теперь надо дѣлать? спросилъ я себя и тотчасъ же понялъ что. Войдя въ кабинетъ, я прямо подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ нея револьверъ, осмотрѣлъ его — онъ былъ заряженъ, и положилъ на столъ. Потомъ досталъ ножны изъ-за дивана и сѣлъ на диванъ.

Долго я сидѣлъ такъ. Я ничего не думалъ, ничего не вспоминалъ. Я слышалъ, что тамъ что-то возились. Слышалъ, какъ пріѣхалъ кто-то, потомъ еще кто-то. Потомъ слышалъ и видѣлъ, какъ Егоръ внесъ мою привезенную корзину въ кабинетъ. Точно кому-нибудь это нужно!

— Слышалъ ты, что случилось? сказалъ я, — скажи дворнику, чтобы дали знать въ полицію. — Онъ ничего не сказалъ и ушелъ. Я всталъ, заперъ дверь, и досталъ папироски и спички и сталъ курить. Я не докурилъ папироски, какъ меня схватилъ и повалилъ сонъ. Я спалъ, вѣрно, часа два. Помню, я видѣлъ во снѣ, что мы дружны съ ней,

поссорились, но миримся, и что немножко что-то мѣшаетъ, но мы друзья. Меня разбудилъ стукъ въ дверь. «Это полиція» подумалъ, я, просыпаясь; «вѣдь я убитъ, кажется. А можетъ быть, это она, и ничего не было». Въ дверь еще постучались. Я ничего не отвѣтилъ и рѣшалъ вопросъ: «было это или не было? Да, было». Я вспомнилъ сопротивленіе корсета и погруженіе ножа, и морозъ пробѣжалъ по спинѣ. «Да, было. Да, теперь надо и себя», сказалъ я себѣ. Но я говорилъ это и зналъ, что я не убью себя. Однако я всталъ и взялъ опять въ руки револьверъ. Но странное дѣло: помню, какъ прежде много разъ я былъ близокъ къ самоубійству, какъ въ тотъ день даже, на желѣзной дорогѣ, мнѣ это легко казалось, легко именно потому, что я думалъ, какъ я этимъ поражу ее. Теперь я никакъ не могъ не только убить себя, но и подумать объ этомъ. «Зачѣмъ я это сдѣлаю?» спросилъ я себя, и отвѣта не было. Въ дверь постучались еще. «Да, прежде надо узнать, кто это стучится? Успѣю еще». Я положилъ револьверъ и покрылъ его газетой. Я подошелъ къ двери и отодвинулъ задвижку. Это была сестра жены, добрая, глупая вдова.—Вася! что это?—сказала она, и всегда готовая у ней слезы полились.

— Что надо? — грубо спросилъ я. Я видѣлъ, что совсѣмъ не надо было и не зачѣмъ было быть съ ней грубымъ, но я не могъ придумать никакого другого тона.

— Вася, она умираетъ! Иванъ Захарычъ сказалъ.

Иванъ Захарычъ это былъ ея докторъ, совѣтчикъ.—Развѣ онъ здѣсь?—спросилъ я, и вся злоба на нее поднялась опять.

— Ну такъ что-жь? — Вася, поди къ ней. Ахъ, какъ это ужасно, сказала она. «Пойти къ ней?» задалъ я себѣ вопросъ. И тотчасъ же отвѣтилъ, что надо пойти къ ней. Что вѣроятно всегда такъ дѣлается, что когда мужъ, какъ я, убилъ жену, то непременно надо идти къ ней. «Если такъ дѣлается, то надо идти», сказалъ я себѣ. «Да если нужно будетъ, всегда успѣю», подумалъ я о своемъ намѣреніи застрѣлиться, и пошелъ за нею. «Теперь будутъ фразы, гримасы, но я не поддамся имъ», сказалъ я себѣ. «Постой», сказалъ я сестрѣ; «глупо безъ сапогъ, дай я надѣну хоть туфли».

XXVIII.

— И удивительное дѣло! Опять, когда я вышелъ изъ комнаты и пошелъ по привычнымъ комнатамъ, опять во мнѣ явилась надежда, что ничего не было, по запахъ этой докторской гадости, іодоформа, карболовки—поразили меня. Нѣтъ, все было. Проходя по корридору, мимо дѣтской, я увидалъ Лизаньку. Она смотрѣла на меня испуганными глазами. Мнѣ показалось даже, что тутъ были всѣ пятеро дѣтей и всѣ смотрѣли на меня. Я подошелъ къ двери, и горничная изнутри отворила мнѣ и вышла. Первое, что бросилась мнѣ, было ея свѣтло-сѣрое платье на стулѣ, все почернѣвшее отъ крови. На нашей двуспальной постели, на моей даже постели (къ ней быть легче подходъ), лежала

она съ поднятыми колѣнями. Она лежала очень отлого на однѣхъ подушкахъ, въ разстегнутой кофѣтѣ. На мѣсто раны было что-то положено. Въ комнатѣ былъ тяжелый запахъ іодоформа. Прежде и болѣе всего поразило меня ея распухшее и синѣющее по отекамъ лицо, часть носа и подъ глазами. Это было послѣдствіе удара моего локтемъ, когда она хотѣла удержать меня. Красоты не было никакой, а что-то гадкое показалось мнѣ въ ней. Я остановился у порога.—Подойди, подойди къ ней,—говорила мнѣ сестра. «Да вѣрно, она хочетъ покаяться», подумалъ я. «Простить? Да, она умираетъ и можно простить ее», думалъ я, стараясь быть великодушнымъ. Я подошелъ вплотъ. Она съ трудомъ подняла на меня глаза, изъ которыхъ одинъ былъ подбитый, и съ трудомъ, съ заминками проговорила:

— Добился своего, убилъ... и въ лицѣ ея, сквозь физическія страданія и даже близость смерти выразилась та же старая, знакомая мнѣ, холодная животная ненависть.—Дѣтей... я все-таки тебѣ... не отдамъ... Она (ея сестра) возьметъ...

О томъ же, что было главнымъ для меня, о своей винѣ, измѣнѣ — она какъ бы считала не стоящимъ упоминать.

— Да... полюбуйся на то, что ты сдѣлалъ, — сказала она, глядя въ дверь, и всхлипнула. Въ двери стояла сестра съ дѣтьми.—Да, вотъ что ты сдѣлалъ.

Я взглянулъ на дѣтей, на ея съ подтеками разбитое лицо, и въ первый разъ забылъ себя, свои права, свою гордость, въ первый разъ увидалъ въ ней человѣка. И такъ ничтожно мнѣ показалось все то, что оскорбляло меня—вся моя ревность, и такъ значительно то, что я сдѣлалъ, что я хотѣлъ припасть лицомъ къ ея рукѣ и сказать: прости! но не смѣлъ.

Она молчала, закрывъ глаза, очевидно не въ силахъ говорить дальше. Потомъ изуродованное лицо ея задрожало и сморщилось. Она слабо оттолкнула меня.

— Зачѣмъ все это было? Зачѣмъ?

— Прости меня, сказалъ я.

— Прости? Все это вздоръ!.. Только бы не умереть!... вскрикнула она, приподнялась, и лихо-радочно-блестящія глаза ея устремились на меня.— Да, ты добился своего!... Ненавижу!... Ай! Ахъ!— очевидно уже въ бреду, пугаясь чего-то, закричала она.

— Стрѣляй! Я не боюсь!... Только всѣхъ убей!... Ушелъ!... Ушелъ!...

Бредъ продолжался уже все время. Она не узнавала никого. Въ тотъ же день, къ полдню, она умерла. Меня прежде этого, въ 8 часовъ, отвели въ часть и оттуда въ тюрьму. И тамъ просидѣвъ 11 мѣсяцевъ, дожидаясь суда, я обдумалъ себя и свѣе прошедшее и понялъ его. Началъ понимать я на третій день. На третій день меня водили туда. .

Онъ что-то хотѣлъ сказать, и не въ силахъ будучи удержать рыданія — остановился. Собрравшись съ силами, онъ продолжалъ:

— Я началъ понимать только тогда, когда увидалъ ее въ гробу!...

Онъ всхлипнулъ, но тотчасъ же торопливо продолжалъ:

— Только тогда, когда я увидалъ ея мертвое лицо, я понялъ все, что я сдѣлалъ. Я понялъ, что я, убилъ ее, что отъ меня сдѣлалось то, что она была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная, и что поправить этого никогда, нигдѣ, ничѣмъ нельзя. Тотъ, кто не пережилъ этого, тотъ не можетъ понять... У! у! у! вскрикнулъ онъ нѣсколько разъ и затихъ.

Мы долго сидѣли молча. Онъ всхлипывалъ и трясся молча передо мной. Лицо его сдѣлалось тонкое, длинное и ротъ во всю ширину его.

— Да, сказалъ онъ вдругъ. — Если бы я зналъ, что я знаю теперь, такъ бы совсѣмъ другое было бы. Я бы не женился на ней ни за что... и никакъ не женился бы.

Опять мы долго молчали.

— Ну, простите... Онъ отвернулся отъ меня и прилегъ на лавкѣ, закрывшись пледомъ. На той станціи, гдѣ мнѣ надо было выходить, — это было въ 8 часовъ утра — я подошелъ къ нему, чтобы проститься. Спалъ ли онъ или притворялся, но онъ

не шевелился. Я тронулъ его рукой. Онъ открылся, и видно было, что онъ не спалъ.

— Прощайте, — сказалъ я подавая ему руку.— Онъ подалъ мнѣ руку и чуть улыбнулся, но такъ жалобно, что мнѣ захотѣлось плакать.

— Да, простите, — повторилъ онъ то же слово, которымъ заключилъ и весь рассказъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ
КЪ
КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТѢ.

Я получилъ и получаю много писемъ отъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, просящихъ меня объяснить въ простыхъ и ясныхъ словахъ то, что я думаю о предметѣ написаннаго мною разсказа подъ заглавіемъ «Крейцерова Соната». Попытаюсь это сдѣлать, т. е. въ короткихъ словахъ выразить, на сколько это возможно, сущность того, что я хотѣлъ сказать въ этомъ разсказѣ, и тѣхъ выводовъ, которые, по моему мнѣнію можно сдѣлать изъ него.

Хотѣлъ я сказать *во первыхъ* то, что въ нашемъ обществѣ сложилось твердое, общее всѣмъ сословіямъ и поддерживаемое ложной наукой убѣжденіе въ томъ, что половое общеніе внѣ брака, не

обязывающее мужчинъ ни къ чему, кромѣ денежной платы, есть дѣло совершенно естественное и потому долженствующее быть поощряемымъ.

Убѣжденіе это до такой степени стало общимъ и твердымъ, что родители, по совѣту врачей, устраняють развратъ для своихъ дѣтей; правительства, смыслъ которыхъ состоитъ въ заботѣ о нравственномъ благосостояніи своихъ гражданъ учреждаютъ развратъ, т. е. регулируютъ цѣлое сословіе женщинъ, долженствующихъ погибать тѣлесно и душевно для удовлетворенія мнимыхъ потребностей мужчинъ, а холостые люди съ совершенно спокойной совѣстью предаются разврату.

И вотъ я хотѣлъ сказать, что это нехорошо, потому что не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно бы было губить тѣла и души другихъ людей, такъ же, какъ не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было пить кровь другихъ.

Выводъ же, который, мнѣ кажется, естественно слѣдуетъ изъ этого, тотъ, что поддаваться этому заблужденію и обману не нужно.

А для того, чтобы не поддаваться, надо, во-первыхъ, не вѣрить безнравственнымъ ученіямъ, какими бы они не поддерживались мнимыми науками, а во вторыхъ, понимать, что вступленіе въ такое половое общеніе, при которомъ люди или освобождаютъ себя отъ возможныхъ послѣдствій его — дѣтей, или сваливаютъ всю тяжесть этихъ послѣд-

ствій на женщину, или предупреждаютъ возможность рожденія дѣтей—что такое половое общеніе есть преступленіе самаго простаго требованія нравственности, есть подлость, и что потому холостымъ людямъ, не хотящимъ жить подло, надо не дѣлать этого.

Для того же, чтобы они могли воздержаться, они должны кромѣ того, что вести естественный образъ жизни, не пить, не объѣдаться, не ѣсть мяса и не избѣгать труда (не гимнастики, а утомляющаго, не игрушечнаго труда)—не допускать въ мысляхъ своихъ возможности общенія съ чужими женщинами, такъ-же, какъ всякій человѣкъ не допускаетъ такой возможности между собой и матерью, сестрами, родными, женами друзей.

Доказательствъ же того, что воздержаніе возможно и менѣе опасно и вредно для здоровья, чѣмъ невоздержаніе, всякій мужчина найдетъ около себя сотни.

Это первое.

Второе то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе взгляда на любовное общеніе не только какъ на необходимое условіе здоровья и на удовольствіе, но и какъ на поэтическое, возвышенное благо жизни, супружеская невѣрность сдѣлалась во всѣхъ слояхъ общества (въ крестьянскомъ, особенно благодаря солдату) самымъ обычнымъ явленіемъ.

И я полагаю, что это нехорошо. Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать.

Для того же, чтобъ не дѣлать этого, надо, чтобы измѣнился взглядъ на плотскую любовь, чтобы мужчины и женщины воспитывались бы въ семьяхъ и общественнымъ мнѣніемъ такъ, чтобы они и до и послѣ женитьбы не смотрѣли на влюбленіе и связанную съ нимъ плотскую любовь, какъ на поэтическое и возвышенное состояніе, какъ на это смотрять теперь, а какъ на унизительное для чловѣка животное состояніе, и чтобы нарушеніе обѣщанія вѣрности, даваемого въ бракѣ, казнилось бы общественнымъ мнѣніемъ по крайней мѣрѣ такъ же, какъ казнятся имъ нарушенія денежныхъ обязательствъ и торговые обманы, а не воспѣвались бы, какъ это дѣлается теперь, въ романахъ, стихахъ, пѣсняхъ, операхъ, и т. д.

Это второе.

Третье то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе опять того же ложнаго значенія, которое придано плотской любви, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ, и вмѣсто того чтобы быть цѣлью и оправданіемъ супружескихъ отношеній стало помѣхою для пріятнаго продолженія любовныхъ отношеній,

и что потому и внѣ брака, и въ бракѣ, по совѣту служителей врачебной науки, стало распространяться употребленіе средствъ, лишающихъ женщину возможности дѣторожденія, или стало входить въ обычай, привычку то, чего не было прежде и теперь еще нѣтъ въ патріархальныхъ крестьянскихъ семьяхъ: продолженіе супружескихъ отношеній при беременности и кормленіи. И полагаю я, что это нехорошо.

Нехорошо употреблять средства противъ рожденія дѣтей, во первыхъ, потому, что это освобождаетъ людей отъ заботъ и трудовъ о дѣтяхъ, служащихъ искупленіемъ плотской любви, а во вторыхъ потому, что это нѣчто весьма близкое къ самому противному человѣческой совѣсти дѣйствию—убійству. И нехорошо воздержаніе во время беременности и кормленія, потому что это губить тѣлесныя, а главное — душевныя силы женщины. Выводъ же, который вытекаетъ изъ этого, тотъ, что этого не надо дѣлать. А для того, чтобы этого не дѣлать, надо понять, что воздержаніе составляющее необходимое условіе человѣческаго достоинства при безбрачномъ состояніи, еще болѣе обязательно въ бракѣ.

Это третье.

Четвертое то, что въ нашемъ обществѣ, въ которомъ дѣти представляются или помѣхою для наслажденія, или несчастной случайностью, или своего рода наслажденіемъ, когда ихъ рождается впередъ опредѣленное количество, эти дѣти воспитываются не въ виду тѣхъ задачъ, человѣческой жизни, которыя предстоятъ имъ, какъ разумнымъ и любящимъ существамъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить родителямъ.

И что вслѣдствіе этого дѣти людей воспитываются какъ дѣти животныхъ, такъ что главная забота родителей состоитъ не въ томъ, чтобы приготовить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а въ томъ (въ чемъ поддерживаются родители ложной наукой, называемою медициною), чтобъ какъ можно лучше напитать ихъ, увеличивать ихъ ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми (если въ низшихъ классахъ этого не дѣлаютъ, то только по необходимости, а взглядъ одинъ и тотъ же). И въ изнѣженныхъ дѣтяхъ, какъ и во всякихъ перекормленныхъ животныхъ, неестественно рано появляется неопредолимая чувственность, составляющая причину страшныхъ мученій этихъ дѣтей въ отроческомъ возрастѣ.

Наряды, чтенія, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, отъ картинокъ на коробкахъ, до романовъ и повѣстей, и поэмъ, еще болѣе разжигаютъ эту чувственность, и вслѣдствіе этого самые ужасные половые пороки и бо-

лѣзні дѣлаются обычными условіями выростанія дѣтей обоого пола и часто остаются и въ зрѣломъ возрастѣ.

И я полагаю, что это нехорошо. Выводъ же который можно сдѣлать изъ этого — тотъ, что надо перестать воспитывать дѣтей людей, какъ дѣтей животныхъ, а для воспитанія людскихъ дѣтей поставить себѣ другія цѣли, кромѣ красиваго, выхоленнаго тѣла.

Это четвертое.

Пятое то, что въ нашемъ обществѣ, гдѣ влюбленіе между молодымъ мужчиной и женщиной, имѣющее въ основѣ все таки плотскую любовь, возведено въ высшую поэтическую цѣль стремленій людей, свидѣтельствомъ чего служитъ все искусство и поэзія нашего общества, молодые люди лучшее время своей жизни посвящаютъ: мужчины на выглядываніе, прінскиваніе и овладѣваніе наилучшими предметами любви въ формѣ любовной связи или брака; а женщины и дѣвушки — на заманиваніе и вовлеченіе мужчинъ въ связь или бракъ.

И отъ этого лучшія силы людей тратятся не только на непроеводительную, но на вредную работу. Отъ этого происходитъ часть безумной роскоши нашей жизни, отъ этого — праздность муж-

чинъ и безстыдство женщинъ, не пренебрегающихъ, выставленіемъ по модамъ, заимствованнымъ отъ завѣдомо развратныхъ женщинъ, вызывающихъ чувственность, частей тѣла.

И я полагаю, что это нехорошо.

Нехорошо это потому, что достиженіе цѣли соединенія въ бракъ или внѣ брака съ предметомъ любви, какъ бы оно не было опоэтизировано, есть цѣль недостойная человѣка, такъ же, какъ недостойна человѣка, представляющаяся многимъ людямъ высшимъ благомъ, цѣль приобрѣтенія себѣ сладкой и изобильной пищи.

Выводъ же, который можно сдѣлать изъ этого тотъ, что надо перестать думать, что любовь плотская есть нѣчто особенно возвышенное, а надо понять, что цѣль, достойная человѣка—служеніе ли человечеству, отечеству, наукѣ, искусству ли (не говоря уже о служеніи Богу) — какая бы она ни была, если только мы считаемъ ее достойной человѣка, не достигается посредствомъ соединенія съ предметомъ любви въ бракъ или внѣ его, а что напротивъ влюбленіе и соединеніе съ предметомъ любви (какъ бы ни старались доказывать противное въ стихахъ и прозѣ) никогда не облегчаетъ достиженія достойной человѣка цѣли, но всегда затрудняетъ его.

Это пятое.

Вотъ то существенное, что я хотѣлъ сказать и думалъ, что сказалъ въ своемъ разсказѣ.

И мнѣ казалось, что можно разсуждать о томъ, какъ исправить то зло, на которое указывали эти положенія, но что не согласиться съ ними никакъ нельзя. Мнѣ казалось, что не согласиться съ этими положеніями нельзя, во первыхъ, потому что положенія эти вполне согласны, съ прогрессомъ чело-вѣчества, всегда шедшимъ отъ распущенности къ большей и большей цѣломудренности, и съ нрав-ственнымъ сознаніемъ общества, съ нашей со-вѣстью, всегда осуждающей распущенность и цѣня-щей цѣломудріе; и, во вторыхъ, потому, что эти по-ложенія суть только неизбѣжные выводы изъ ученія Евангелія, которое мы или исповѣдуемъ, или по крайней мѣрѣ, хотя и безсознательно, признаемъ основой нашихъ понятій о нравственности.

Но вышло не такъ.

Никто, правда, прямо не оспариваетъ положеній о томъ, что развратничать не надо до брака, не надо и послѣ брака, что не надо искусственно уни-чтожать дѣторожденія, что не надо изъ дѣтей дѣ-лать забавы, и не надо ставить любовное соедине-ніе выше всего остального, — однимъ словомъ, ни-кто не споритъ о томъ, что цѣломудріе лучше рас-пущенности.

Но говорятъ: «Если безбрачіе лучше брака, то оче-видно, что люди должны дѣлать то, что лучше. Если же люди сдѣлаютъ это, то родъ человѣческій

прекратится, и потому не может быть идеаломъ рода человѣческаго—уничтоженіе его».

Но, не говоря уже о томъ, что уничтоженіе рода человѣческаго не есть понятіе новое для людей нашего міра, а есть для религіозныхъ людей догматъ вѣры, для научныхъ же людей неизбѣжный выводъ наблюденій объ охлажденіи солнца,—въ выраженіи этомъ есть большое, распространенное и старое недоразумѣніе.

Говорятъ: «Если люди достигнутъ идеала полнаго цѣломудрія, то они уничтожаются, и потому идеаль этотъ не вѣренъ». Но тѣ, которые говорятъ такъ, умышленно или неумышленно вмѣшиваютъ двѣ разнородныя вещи—правило, предписаніе и идеаль.

Цѣломудріе не есть правило, или предписаніе, а идеаль, или скорѣе—одно изъ условій его. А идеаль только тогда идеаль, когда осуществленіе его возможно только въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности, и когда поэтому возможность приближенія къ нему—безконечна. Если бы идеаль не только могъ быть достигнутъ, но мы могли бы представить себѣ его осуществленіе, онъ пересталъ бы быть идеаломъ.

Таковъ идеаль Христа,—установленіе царства Бога на землѣ; идеаль, предсказанный еще пророками о томъ, что наступитъ время, когда всѣ люди будутъ научены Богомъ, перекуютъ мечи на орала,

копья на серпы, левъ будетъ лежать съ ягненкомъ, когда всѣ существа будутъ соединены любовью.

Весь смыслъ человѣческой жизни заключается въ движеніи по направленію къ этому идеалу, и потому стремленіе къ христіанскому идеалу во всей его совокупности, какъ цѣломудрію, какъ къ одному изъ условій этого идеала, не только не исключаетъ возможности жизни, но, напротивъ того, отсутствіе этого христіанскаго идеала уничтожило бы движеніе впередъ, и слѣдовательно возможность жизни.

Сужденіе о томъ, что родъ человѣческій прекратится, если люди всѣми силами будутъ стремиться къ цѣломудрію подобно тому, которое сдѣлали бы (да и дѣлаютъ), что родъ человѣческій погибнетъ, если люди, вмѣсто борьбы за существованіе, будутъ всѣми силами стремиться къ осуществленію любви къ друзьямъ, къ врагамъ, ко всему живущему. Сужденія такія вытекаютъ изъ непониманія различія двухъ пріемовъ нравственнаго руководства.

Какъ есть два способа указанія пути путешествнику, такъ есть два способа нравственнаго руководства для ищущаго правды человѣка.

Одинъ способъ состоитъ въ томъ, что человѣку указываются предметы, долженствующіе встрѣтиться ему, и онъ направляется по этимъ предметамъ.

Другой способъ состоитъ въ томъ, что человѣку дается только направленіе, по компасу, который

человѣкъ несетъ съ собою, и на которомъ онъ видѣть всегда одно неизмѣнное направленіе, и потому всякое свое отклоненіе отъ него.

Первый способъ нравственнаго руководства, есть способъ внѣшнихъ опредѣленій правилъ: человѣку даются опредѣленные признаки поступковъ, которыхъ онъ долженъ и не долженъ дѣлать.

«Соблюдай субботу, обрѣзывайся, не крадь, не пей хмѣльного, не убивай живого, отдавай десятину, бѣднымъ, омывайся и молись пять разъ въ день и т. п.».

Таковы постановленія внѣшнихъ религіозныхъ ученій: браминскаго, буддійскаго, магометанскаго, рейскаго и другихъ.

Другой способъ, есть способъ указанія человѣку никогда недостижимаго имъ совершенства, стремленіе къ которому человѣкъ сознаетъ въ себѣ: человѣку указывается идеаль, по отношенію къ которому онъ всегда можетъ видѣть степень своего удаленія отъ него.

«Люби Бога твоего всѣмъ сердцемъ и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и ближняго какъ самого себя.—Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный».

Таково ученіе Христа.

Повѣрка исполненія внѣшнихъ религіозныхъ ученій есть совпаденіе поступковъ съ опредѣленіями этихъ ученій, и совпаденіе это возможно.

Повѣрка исполненія Христова ученія есть сознаніе степени несоотвѣтствія съ идеальнымъ совершенствомъ. (Степень приближенія не видна: видно только одно отклоненіе отъ совершенства).

Человѣкъ, исповѣдующій внѣшній законъ, есть человѣкъ, стоящій въ свѣтѣ фонаря, привѣшаннаго къ столбу. Онъ стоитъ въ свѣтѣ этого фонаря, ему свѣтло, и идти ему дальше некуда.

Человѣкъ-исповѣдующій Христово ученіе, подобенъ человѣку, несущему фонарь передъ собою на болѣе или менѣе длинномъ шестѣ: свѣтъ всегда впереди его, и всегда побуждаетъ его идти за собою и вновь открываетъ ему впереди его новое, влекущее къ себѣ, освѣщенное пространство.

Фарисей благодаритъ Бога за то, что онъ исполняетъ все.

Богатый юноша тоже исполнилъ все съ дѣтства, и не понимаетъ, чего можетъ недоставать ему. И они не могутъ думать иначе: впереди ихъ нѣтъ того, къ чему бы они могли продолжать стремиться.

Десятина отдана, суббота соблюдена, родители почтены, прелюбодѣянія, воровства, убійства—нѣтъ. Чего же еще? Для исповѣдующаго же христіанское ученіе достиженіе всякой ступени совершенства вызываетъ потребность вступленія на высшую ступень, съ которой открывается, еще высшая, и такъ безъ конца.

Исповѣдующій законъ Христа всегда въ положеніи мытаря. Онъ всегда чувствуетъ себя несовер-

шеннымъ, не видя позади себя пути, который онъ прошелъ, а видя всегда впереди себя тотъ путь, по которому еще надо идти, и который онъ не прошелъ еще.

Въ этомъ состоитъ различіе ученія Христа отъ всѣхъ другихъ религіозныхъ ученій, различіе, заключающееся не въ различіи требованій, а въ различіи способа руководства людей. Христосъ не давалъ никакихъ опредѣленій жизни, онъ никогда не устанавливалъ никакихъ учрежденій никогда не устанавливалъ и брака.

Но люди, не понимающіе особенности ученія Христа, привыкшіе къ внѣшнимъ ученіямъ, и желающіе чувствовать себя правыми, какъ чувствуетъ себя правымъ фарисей, противно всему духу ученія Христа, изъ буквы его сдѣлали внѣшнее ученіе правилъ, и этимъ ученіемъ подмѣнили истинное Христово ученіе идеала.

Такъ какъ въ истинномъ христіанскомъ ученіи нѣтъ никакихъ основаній для учрежденія брака, то и вышло то, что люди нашего міра, отъ одного берега отстали, и къ другому не пристали, т. е. не вѣрятъ въ сущности въ церковныя опредѣленія брака, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не видя передъ собой идеала Христа, стремленія къ полному цѣломудрію, остаются по отношенію брака безъ всякаго руководства.

Отъ этого-то и происходитъ то, кажущееся сначала страннымъ, явленіе, что у евреевъ, магометанъ, ламаистовъ и другихъ, признающихъ религіозныя ученія гораздо низшаго уровня, чѣмъ христіанское, но имѣющихъ точныя, внѣшнія опредѣленія брака, семейное начало и супружеская вѣрность несравненно тверже, чѣмъ у такъ называемыхъ христіанъ.

У тѣхъ есть опредѣленное наложничество, и многоженство, и многомужество, ограниченное извѣстными предѣлами. У насъ же существуетъ полная распущенность и наложничество, многоженство и многомужество, не подчиненное никакимъ опредѣленіямъ, скрывающееся подъ видомъ воображаемаго единобрачія.

Только потому, что надъ нѣкоторой частью соединяющихся совершается духовенствомъ извѣстный обрядъ, люди нашего міра наивно или лицемерно воображаютъ, что живутъ въ единобрачій.

Идеаль христіанина есть любовь къ Богу и ближнему; есть отреченіе отъ себя для служенія Богу и ближнему; плотская же любовь, бракъ, есть служеніе себѣ, и потому есть во всякомъ случаѣ препятствіе служенію Богу и людямъ, и потому, съ христіанской точки зрѣнія—паденіе, грѣхъ.

Вступленіе въ бракъ не можетъ содѣйствовать служенію Богу и людямъ, даже въ томъ случаѣ, если бы вступающіе въ бракъ имѣли бы цѣлью продолженіе рода человѣческаго. Такимъ людямъ вмѣсто того, чтобы вступать въ бракъ для произ-

веденія дѣтскихъ жизней, гораздо проще поддерживать и спасать тѣ миллионы дѣтскихъ жизней, которыя гибнутъ вокругъ насъ отъ недостатка, не говорю уже духовной, но матеріальной пищи.

Только въ томъ случаѣ могъ бы христіанинъ безъ сознанія паденія грѣха вступить въ бракъ если бы онъ видѣлъ и зналъ, что всѣ существующія жизни дѣтей обезпечены.

Можно не принимать ученія Христа, того ученія, которымъ проникнута вся наша жизнь, и на которомъ основана вся наша нравственность, но принимая это ученіе, нельзя не признавать того, что оно указываетъ идеалъ полнаго цѣломудрія.

Въ Евангеліи вѣдь сказано ясно и безъ возможности какого либо перетолкованія—во первыхъ, то, что женатому не должно разводиться съ женой съ тѣмъ, чтобы взять другую, а должно жить съ той, съ которой разъ сошелся (Матѹ. V, 31; 32. XIX, 8); во вторыхъ-то, что человѣку вообще, и слѣдовательно, какъ женатому, такъ и не женатому, грѣшно смотрѣть на женщину какъ на предметъ наслажденія (Матѹ. V, 28—29), и, въ третьихъ, то, что не женатому лучше не жениться вовсе, т. е. быть вполне цѣломудреннымъ. (Матѹ. XIX, 10—12).

Для многихъ и многихъ, мысли эти покажутся странными и даже противорѣчивыми.

И онѣ дѣйствительно противорѣчивы, но не между собою, а мысли эти противорѣчивы всей нашей жизни, и невольно является сознаніе: кто

правъ? — мысли ли эти, или жизнь миллионовъ людей и моя?

Это самое чувство испытывалъ и я въ сильнѣйшей степени, когда приходилъ къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя теперь высказываю: я никакъ не ожидалъ, что ходъ моихъ мыслей приведетъ меня къ тому, къ чему онъ привелъ меня.

Я ужасался своимъ выводамъ, хотѣлъ не вѣрить имъ, но не вѣрить нельзя было. И какъ ни противорѣчатъ эти выводы всему строю нашей жизни, какъ ни противорѣчатъ тому, что я прежде думалъ и высказывалъ даже, я долженъ былъ признать ихъ.

«Но все это общія соображенія, которыя, можетъ быть и справедливы, и относятся къ ученію Христа и обязательны для тѣхъ, которые исповѣдуютъ его, но жизнь есть жизнь, и нельзя, указавъ впереди недостижимый идеалъ Христа, оставить людей въ одномъ изъ самыхъ жгучихъ общихъ, и производящихъ наибольшія бѣдствія, вопросовъ, съ однимъ этимъ идеаломъ, безъ всякаго руководства.

«Молодой, страстный человѣкъ сначала увлечется идеаломъ, но не выдержитъ, сорвется, и, не зная и не признавая никакихъ правилъ, попадаетъ въ полный развратъ»!

Такъ разсуждаютъ обыкновенно.

«Христовъ идеалъ недостижимъ, поэтому не можетъ служить намъ руководствомъ въ жизни; о

немъ можно говорить, мечтать, но для жизни онъ не приложимъ, и потому надо оставить его.

Намъ нуженъ не идеаль, а правило, руководство, которое было бы по нашимъ силамъ, по среднему уровню нравственныхъ силъ нашего общества: церковный честный бракъ, при которомъ одинъ изъ брачующихся, какъ у насъ мужчина, уже сходился со многими женщинами, или хотя бы бракъ съ возможностью развода, или хотя бы гражданскій, или (идя по тому же пути) хотя бы японскій на срокъ, — почему же не дойти и до домовъ терпимости?»

— Говорять, это лучше, чѣмъ уличный развратъ. Въ томъ-то и бѣда, что, позволивъ себѣ принижать идеаль по своей слабости, нельзя найти того предѣла, на которомъ надо остановиться.

Но вѣдь это разсужденіе съ самаго начала невѣрно; невѣрно прежде всего то, чтобы идеаль безконечнаго совершенства не могъ быть руководствомъ въ жизни, и чтобы нужно было, глядя на него, или махнуть рукой, сказавъ, что онъ мнѣ не нуженъ, такъ какъ я никогда не достигну его или принизить идеаль до тѣхъ ступеней, на которыхъ хочется стоять моей слабости.

Разсуждать такъ, все равно, что мореплавателю сказать себѣ, что такъ какъ я не могу идти по той линіи, которую указываетъ компасъ, то я выкину компасъ или перестану смотрѣть на него, т. е. отброшу идеаль, или прикрѣплю стрѣлку компаса

къ тому мѣсту, которое будетъ соотвѣтствовать въ данную минуту ходу моего судна, т. е. принижу идеалъ къ моей слабости.

Идеалъ совершенства, данный Христомъ, не есть мечта или предметъ риторическихъ проповѣдей, а есть самое необходимое, всѣмъ доступное руководство нравственной жизни людей, какъ компасъ необходимое и доступное орудіе руководства морехода; только надо вѣрить какъ въ то, такъ и въ другое. Въ какомъ бы ни находился человѣкъ положеніи, всегда достаточно ученіе идеала, даннаго Христомъ, для того, чтобы получить самое вѣрное указаніе тѣхъ поступковъ, которые должно и не должно совершать.

Но надо вѣрить этому ученію вполнѣ, этому одному ученію, — перестать вѣрить во всѣ другія, точно такъ же, какъ надо мореходу вѣрить въ компасъ, перестать приглядываться и руководиться тѣмъ, что видитъ по сторонамъ.

Надо умѣть руководствоваться христіанскимъ ученіемъ, какъ умѣть руководствоваться компасомъ, а для этого, главное, надо понимать свое положеніе, надо умѣть не бояться съ точностью опредѣлять свое отклоненіе отъ идеальнаго даннаго направленія.

На какой бы ступени ни стоялъ человѣкъ, всегда есть для него возможность приближенія къ этому идеалу, и никакое положеніе для него не можетъ быть такимъ, въ которомъ бы онъ не могъ

сказать, что онъ достигъ его, и не могъ бы стремиться къ еще большому приближенію.

Таково стремленіе человѣка къ христіанскому идеалу вообще, и таково же къ цѣломудрію въ частности. Если представить себѣ по отношенію полового вопроса самыя различныя положенія людей отъ невиннаго дѣтства до брака, въ которомъ не соблюдается воздержаніе, на каждой ступени между этими двумя положеніями, ученіе Христа съ представляемымъ имъ идеаломъ будетъ всегда служить яснымъ и опредѣленнымъ руководствомъ того, что должно и не должно на каждой изъ этихъ ступеней дѣлать человѣку.

Что дѣлать чистому юношѣ, дѣвушкѣ? Соблюдать себя чистыми отъ соблазновъ, и для того, чтобы быть въ состояніи всѣ свои силы отдать на служеніе Богу и людямъ, стремиться къ большому и большому цѣломудрію мыслей и желаній.

Что дѣлать юношѣ и дѣвушкѣ, подпавшимъ соблазнамъ, поглощеннымъ мыслями о безпредѣльной любви или о любви къ извѣстному лицу, и потерявшимъ отъ этого извѣстную долю возможности служить Богу и людямъ? Все то же: не попускать себя на паденіе, зная, что такое поущеніе не освободитъ отъ соблазна, а только усилитъ его, и все такъ же стремиться къ большому и большому цѣломудрію для возможности болѣе полного служенія Богу и людямъ.

Что дѣлать людямъ, когда они не осилили борьбы и пали? Смотрѣть на свое паденіе не какъ

на законное наслажденіе, какъ смотрять теперь, когда оно оправдывается обрядомъ брака, ни какъ на случайное удовольствіе, которое можно повторять съ другими, ни какъ на несчастіе, когда паденіе совершается съ неровней и безъ обряда, а смотрѣть на это первое паденіе, какъ на единственное, какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ.

Вступленіе это въ бракъ, своимъ, вытекающимъ изъ него послѣдствіемъ,—рожденіемъ дѣтей, опредѣляетъ для вступившихъ въ бракъ новую, болѣе ограниченную форму служенія Богу и людямъ.

До брака человѣкъ непосредственно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ могъ служить Богу и людямъ; вступленіе же въ бракъ ограничиваетъ его область дѣятельности и требуетъ отъ него возвращенія и воспитанія происходящаго отъ брака потомства, будущихъ служителей Богу и людямъ.

Что дѣлать мужчинѣ и женщинѣ, живущимъ въ бракѣ и исполняющимъ то ограниченное служеніе Богу и людямъ, черезъ возвращеніе и воспитаніе дѣтей, которое вытекаетъ изъ ихъ положенія?

Все то же: стремиться вмѣстѣ къ освобожденію отъ соблазна, очищенію себя и прекращенію грѣха, замѣной отношеній, препятствующихъ и общему и частному служенію Богу и людямъ, замѣной плотской любви, чистыми отношеніями, сестры и брата.

И потому неправда то, что мы не можемъ руководиться идеаломъ Христа, потому что онъ такъ высокъ, совершененъ и недостижимъ. Мы не мо-

жемъ руководиться имъ только потому, что мы сами себѣ лжемъ и обманиваемъ себя,

Вѣдь если мы говоримъ, что нужно имѣть правила болѣе осуществимыя, чѣмъ идеаль Христа, а то иначе мы, не достигнувъ идеала Христа — впадемъ въ развратъ, мы говоримъ не то, что для насъ слишкомъ высокъ идеаль Христа, а только то, что мы въ него не вѣримъ, и не хотимъ опредѣлять своихъ поступковъ по этому идеалу.

Говоря, что разъ павши, мы впадемъ въ развратъ, мы вѣдь этимъ говоримъ только, что мы впередъ уже рѣшили, что паденіе съ неровней не есть грѣхъ, есть забава, увлеченіе, которое необязательно поправить тѣмъ, что мы называемъ бракомъ. Если же бы мы понимали, что паденіе есть грѣхъ, который долженъ и можетъ быть искупленъ только неразрывностью брака и всей той дѣятельностью, которая вытекаетъ изъ воспитанія дѣтей, рожденныхъ отъ брака, то паденіе никакъ не могло бы быть причиной впаденія въ развратъ.

А это, вѣдь, все равно, какъ еслибъ земледѣлецъ не считалъ посѣвомъ тотъ посѣвъ который не удался ему, а сѣя на другомъ и третьемъ мѣстѣ, считалъ бы настоящимъ посѣвомъ тотъ, который удастся ему. Очевидно, что тотъ человѣкъ испортилъ бы много земли и сѣмянъ и никогда бы не научился сѣять. Только поставьте идеаломъ цѣломудріе, считайте, что всякое паденіе кого бы то не было, съ кѣмъ бы то ни было, есть единственный

неразрывный на всю жизнь бракъ, и будетъ ясно что руководство, данное Христомъ, не только достаточно, но единственно возможно.

«Человѣкъ слабъ, надо дать ему задачу по силамъ», говорятъ люди. Это все равно, что сказать: «руки мои слабы и я не могу провести линію, которая была бы прямая, т. е. кратчайшая между двумя точками, потому, чтобы облегчить себя, я желая проводить прямую, возьму за образецъ себѣ кривую или ломаную». Чѣмъ слабѣе моя рука, тѣмъ совершеннѣе мнѣ нуженъ образецъ.

Нельзя, познавъ христіанское ученіе идеала, дѣлать такъ, какъ будто мы не знаемъ его, и замѣнять его внѣшними опредѣленіями. Христіанское ученіе идеала открыто человѣчеству именно потому, что оно можетъ руководить его въ теперешнемъ возрастѣ. Человѣчество уже пережило періодъ религіозныхъ, внѣшнихъ опредѣленій, и никто уже не вѣритъ въ нихъ.

Христіанское ученіе идеала есть то единое ученіе, которое можетъ руководить человѣчествомъ. Нельзя, не должно замѣнять идеаль Христа внѣшними правилами, а надо твердо держать этотъ и идеаль передъ собой во всей чистотѣ его и главное—вѣрить въ него.

Плавающему недалеко отъ берега можно было говорить: «держишься того возвышенія, мыса, башии, и т. п.».

Но приходитъ время, когда пловцы удалились отъ берега, и руководствомъ имъ должны и могутъ служить только недостижимыя свѣтила и компасъ, показывающій направленіе.

И то, и другое дано намъ.

ЦѢНА **80** КОП.

2007053886